

18+

Алекс Фес

Кавалькада

The Cavalcade

Алекс Фес
Кавалькада

«Издательские решения»

Фес А.

Кавалькада / А. Фес — «Издательские решения»,

Сборник повестей и рассказов. Три мира — три пути. Взлом реальности, побег из иллюзии и цифровой апокалипсис. Герои бросают вызов системе, чтобы обрести себя... или потерять всё.

© Фес А.

© Издательские решения

Содержание

Кавалькада	6
Нод: блуждания в призрачном Эребариуме	9
Глава первая	9
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Из ничего — в никуда	26
ГЛАВА 1	26
ГЛАВА 2	30
ГЛАВА 3	34
ГЛАВА 4	38
ГЛАВА 5	42
Теория групп	46
...	46
Палеоцен	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кавалькада

Алекс Фес

© Алекс Фес, 2026

ISBN 978-5-0070-2807-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кавалькада

Дом

Я проснулся в своей комнате. С потолка на меня смотрела всё та же старая лампочка, которая светила здесь ещё моим предкам, по-моему. Стены серьёзно облезли, а штукатурка отвалилась ещё в трёх местах. Такой расклад дел мне не нравится. Надо что-то делать, но что?

В нашем доме — так мы его называем. Мы — это мои друзья и соседи, выросшие и воспитанные этими стенами в полумраке бетона, освещённые лишь одной старой лампочкой, свисающей с белого потолка на проводе.

Нет, у нас был один, который хотел сделать красивее, повесить вторую лампочку — да до добра это не довело — сгорел в одну из ночей. Так потом старшие объяснили, что лампочки как-то рассчитаны по толщине провода, а провод тонкий, что ль, выдержит и две, но риск возгорания сильно возрастает. Не то, что стены. Стены осыпались ещё при моём деде, который жил в соседней комнате. На этом этаже он познакомился с моей бабушкой, по рассказам мамы и папы это было незабываемое знакомство. Она пришла к нам на этаж по лестнице. Да-да! По той самой бесконечной лестнице, так жутко наводящей страх своей бездонной пропастью, на которую нас в детстве любили отправлять старшаки, чтобы позабавиться нашими страхами. Она и сейчас вызывает благоговейный ужас, а тогда один лишь вид решётки перил, из-за которой в самые укромные уголки души прокрадывается лютый страх высоты и темноты. Лестница в адскую пропасть — так мы называли её. Ступеньки угловой спиралью уходили от этажа к этажу, пока темнота не поглощала их, и сколько бы мы ни всматривались в её бездонные очи — темнота никогда не открывала нам количества несчётных этажей вниз. Вверх творилось то же самое.

Нет, это не была какая-то запретная лестница, мы иногда бегали и на соседние этажи, но страх потеряться не давал нам в полной мере исследовать пучину и разнообразие всего Дома. Не знаю, как там у других, я был всего лишь на трёх или четырёх этажах, все они со стороны разные, а по сути одно и то же. Каждый другой этаж, так же, как и наш, имеет замысловатую систему коридоров и комнат. На каждом переулке по лампочке, а стены постоянно облупляются, и все жители своих этажей только и заняты поиском штукатурки для стен и съедобного геля для своей гаргантюа.

Вот и сегодня я проснулся, а стена как бы намекает на не очень приятный поход в магазин за штукатуркой. А ведь в свой выходной день так охота заняться чем-то более приятным. Например, сходить к соседям или зайти к родителям, которые переехали подальше от этого района на другой конец этажа поближе к цветочному выходу. Теперь до них если и идти, то придётся потратить полдня на дорогу и заночевать там. Ну, ничего, в эти выходные буду восстанавливать опавшую штукатурку, а родителям отправлю письмо курьером. Запланирую гости на следующие выходные.

Лампочка мерно подмигивает, издавая лёгкое гудение. Я сел на кровати и окинул комнату взглядом. Всё как всегда, в углу куча одежды, заношенной до дыр в эту рабочую неделю; я слышал истории, что есть этажи, где люди стирают её, а не выкидывают, как мы, в утилизационные колодцы. Интересно бы взглянуть на них, на их устои и смыслы жизни. Резкий грохот оторвал меня от беспричинной депрессии и увёл в сторону разваливающегося дома. Сколько в нём этажей? Никто не знает. Сколько ему лет, и что за его стенами, и есть ли ему границы? Ответов нет за многие поколения. Отец мне рассказывал, что были сорвиголовы, которые запасались питательным гелем и пытались уходить вверх или вниз по лестнице. Кто-то надеялся пополнять запасы геля на других этажах, кто-то набивал тюк и брал с собой сколько мог унести, а наше поколение отличилось тем, что собралось толпой и сделало тюк, который спускали меж пролётов, пока Кеша шёл по лестнице. Мы думали, так сможем ему спускать

больше еды и воды, а при необходимости даже заменить одежду. Всё было продумано. Запас бумаги собрали чуть ли не со всего этажа. Съедобный гель загрузили в собранные из 50 комнат и сшитые вместе простыни. Кстати, спать без них на матрасах оказалось жутко неудобно, что-то всю ночь кололо бока. Экспедиция продлилась чуть больше трёх месяцев, и сколько Кеша прошёл вниз этажей, мы уже не узнаем. Верёвку, которую мы смогли удержать без разрывов, хватило лишь на несколько сотен этажей, а бездна лестницы так и не открыла своих загадок. В одном из последних писем Кеша сказал, что попробует ускориться, взял сколько мог унести геля и пошёл вниз без поддержки. Потом были ещё попытки спустить на верёвке из одежды и простыней тук, пару раз его даже кто-то опустошал, но писем больше не было. Запросов и отчётов — тоже. Кеша пропал бесследно. Что-то подобное пытались делать этажи сверху, но их затея закончилась ещё быстрее: кто-то или обрезал им верёвку, или она просто лопнула, унеся в бездну все запасы провизии.

Не обременённый работой, я вышел из комнаты на улицу — так у нас зовут длиннющие коридоры, связывающие своей сетью все комнаты. Что нам известно про другие этажи? Немного. Я знаю, что соседние этажи отличаются сетью коридоров — это не мудрено, за многие поколения стены комнат должны были перестраиваться по многу раз. Даже моя комнатёнка потихоньку сдвигается. С одной стороны, изнутри я постоянно увеличиваю слой штукатурки, а с другой, с улицы, она вечно отваливается, а мазать там мне нельзя, поскольку соседи подумают, что я хочу увеличить своё жильё за их счёт и ещё чего, и могут сломать руки или ноги мне.

Оделся, взял связку старых и грязных вещей и пошёл привычной дорогой к магазину. Так у нас величают зал распределения и выдачи Геля. Там же находятся трубы мусоропровода. Никогда до этого не думал, что с лестницей-то непонятно. Иногда вниз срываются тюки с едой для путешественников, а иногда прыгают не выдерживающие своего рока — я видел двух пролетающих мимо, казалось, уже успевших немного разложиться даже. От одного шёл разительный смрад. Хотя старики сказали, что может, на их этаже вовсе нет воды, вот они воняют и иногда прыгают вниз от жажды. На ближайшую сотню этажей вверх такого, правда, никто не отмечал, ну да ладно. У нас на этаже тоже был падающий. Два поколения назад, во времена моего деда, его сосед по комнате решил, что лучший способ исследовать бездну лестницы — это просто прыгнуть вниз — ведь так быстрее. Докуда он долетел и что там — уже никто и не узнает. Но вопрос, как живут первые этажи, ненадолго завлёл меня: неужели их лестница забита, и они уже не могут выйти на неё, или там есть какой-то выход в другой дом, и они скидывают тела дальше?

Раздумывая над ответом, я прошагал пару кварталов. До распределителя ещё идти несколько часов, и можно поглазеть на соседей. Кто-то, только проснувшись, выползает из комнаты и идёт умываться, кто-то собирается и присоединяется к нашему великому движению, а кто-то просто прогуливается — считанные единицы так могут делать в выходной день, возможно, это какие-то начальники: никогда не задавался вопросом, кто они, у меня нет времени на праздные прогулки.

Час или два, и я начинаю подходить к распределителю. Улицы становятся шире, а народу стало настолько много, что кажется бесконечным поток голов и ног этой серо-чёрной массы одноэтажников. Не зная плана этажа, выйти из него невозможно, можно бесконечно плутать по изгибам улиц и не найти дорогу к лестнице. Я и сам пару раз сворачивал не туда из праздного любопытства, и чудом мне удавалось найти обратный путь.

Сейчас я вырос, и тяга к приключениям немного поутихла. Незнакомые коридоры тянут меньше, а если и настаёт момент, когда в груди запылает огонь всепознания, да вдруг выдастся свободный день или вечеря, то, конечно, до сих пор я мог уйти на часы в неизвестные мне проходы, побродить по улочкам соседей, тратя часы, созерцая быт иных миров — как я это называю в шутку. Зарисовывая каждый поворот, создавая подобие карты нашего этажа. Бумага

— очень ценный продукт в наших краях, но за долгие годы я смог отрисовать километры улиц и тупичков. Я заводил беседы с сотней незнакомых мне людей и узнавал, как они живут и выживают; я даже, пользуясь этим методом, пытался прорваться на другие этажи, считая лестничные пролёты, пройденные вниз и вверх. Всё это лежит безмолвными кипами бумаг в моей комнате. Их приходится накрывать всякий раз, когда я подмазываю свои внутренние стены, чтобы не испачкать крошками бетона — их будет не смыть.

Совершая очередной шаг, я споткнулся. Не в первый и явно не в последний раз. Но в этом тычке судьбы что-то было иное. Я остановился, чтобы внимательнее разглядеть причину боли в пальце левой ноги, и пара человек гневно бросила мне в спину, обходя мой стоящий силуэт, свои лестные умозаключения о моём происхождении и даже намекнули, куда мне стоит податься подальше от них, но взор мой был прикован к странно-чудесной трещине в полу. Трещина незаметно расплзалась через всю улицу, и я бы её перешагнул, как и все, не будь один её край чуть выше другого. Моя нога точно зацепилась за это возвышение, больно подломив палец на ноге. Но это чудо светилось! Мне не показалось? Я, стоя как истукан, нервно всматривался во тьму дороги, и оттуда меж людских ног просачивалось живое свечение. Яркое, тёплое. Оно манило мой взор лёгкими переливами, и я встал на четвереньки, пытаясь заглянуть хоть одним глазком и увидеть источник дивного света. Пару раз на меня кто-то наступил в толпе идущих ровными рядами бескрайней реки человеческих тел. Я согнулся и прислонил глаз к самому широкому месту, излучавшему тепло — жёлтый свет, и в первые мгновения не смог ничего различить: свет заполнил всё, залив и вытеснив остальное из зора. Ветер, дующий из отверстия в полу, холодом орошал всё лицо, а запахи, которые он приносил, были настолько незнакомы, как и приятны. Свечение стало распадаться на мелкие образы, и непривыкший глаз смог различить зелёное море медленно колышущейся травы и небольшой ручеек текущей воды. Брызги, разбившиеся о камни, подхватывал ветер, относя немного поодаль, а в их взвеси то тут, то там мелькала яркая радуга.

Я отпрянул обратно в темень своего этажа — картина райского уголка была не далее 10 метров подо мной, сидящего среди чёрной пучины безостановочно идущей толпы, которая переступала через моё скрючившееся тело.

Нод: блуждания в призрачном Эребариуме

Глава первая

Дверь открылась, и в комнату зашла жена:

— Ужин на столе, заканчивай играть в свои игрушки и иди кушать.

Что поделать, придётся закругляться.

— Ещё пару минут, с друзьями попрощаюсь и иду.

Сняв наушники, я встал со своего игрового кресла. Колёсики нервно брякнули по истёртым доскам пола, содрав очередной кусочек краски в уже заметной колее. Вообще-то пол требовал ремонта, как и вся квартира, лет двадцать назад, но денег не было. Точнее, они были, но совсем немного, и я тратил их совсем не туда. Полярно не туда. Зато кресло было удобное, игровое, настоящее профессиональное кресло. Жена опять будет бухтеть, она делает это каждый день: «Пол не крашен, а он играет», «Денег нет, а он это притащил». А что я могу? Пойти на работу и не вернуться? Нет, куда я денусь с подводной лодки. Всегда так: как только снимаю наушники, сразу в голову залетают какие-то мысли и начинают роиться, хоть колонки включай на максимум, чтобы заткнуть эти проклятые голоса.

С кухни пахло чем-то особенно приятным. Основным блюдом была явно тушёная капуста, но с чем — этого я пока разобрать не мог. Медленно открыв дверь комнаты, я просочился в коридор. Было хорошо слышно, как гремит на кухне посуда и брякают ложки в раковине. Краем глаза я заметил едва различимое движение позади себя, словно кто-то бросил старую половую тряпку. Обернувшись, не увидел никого и ничего. Показалось, наверное.

Зайдя в ванную, по привычке сунул руку под струю воды и ненадолго замер, разглядывая прыщики на своей бородатой морде. В проёме двери, отражённом зеркалом, появилась она — древняя, вся истрёпанная, в рваном балахоне, — баньши. Как можно увереннее я сделал вид, что не заметил её. Лёгкий холодок пробежал по спине. Если они уже здесь, значит, жена под угрозой, возможно, соседи уже мертвы. Мысли одна за другой, как скорый поезд, с грохотом врезались в мозг, заставляя его шевелиться всё быстрее. «Главное, чтобы они не поняли, что я их вижу, это будет сделать тяжело. Подожди, они в этой реальности или это тени из зазеркалья?»

Стоит разобраться: из зазеркалья они выбраться не могут, пока их кто-то не пригласит. Они как тараканы. Стоит приютить одному соседу эту тварь — сразу по всей округе нечисть и разнесётся. Я видел дома, где живых не осталось совсем. Каждый сантиметр кишит этими зловещими созданиями, а куклы, сделанные из прошлых хозяев этих мест, истуканами стоят в проёмах дверей и сидят на карнизах, свешивая ноги из окон. Люди полностью в их власти: они похожи на бездушных кукол — игрушки, в которых едва теплится жизнь, приманки для прохожих. Всюду, где появляются эти тени, расползается по стенам чёрная плесень. Дома, которые раньше могли быть образцовыми, начинают разваливаться.

Есть ли ещё такие, как я, те, кто видит этих созданий, — не знаю. С детства я замечал этих страшных созданий в зеркалах и стеклянных витринах. Они постоянно преследуют своих жертв в зазеркалье — я так называл тот извращённый мир по ту сторону отражений. Пару раз я даже смог заглянуть внутрь, но очень быстро уходил обратно во внешний мир. Зазеркалье — холодное и беззвучное место, оно является чем-то вроде хранилища этих созданий. Они рыщут в переходах, стонут в самых тёмных его уголках и терпеть не могут яркий солнечный свет. Я пытался читать страшные истории, долетавшие до меня с разных уголков планеты. Иногда они жутко походили на то, что видел я, но разительно отличались в подробностях. То их существа

были побеждены хитростью и отвагой, а в некоторых рассказах — даже простым оружием. Один раз я попробовал повторить историю успеха и еле сбежал от баньши. Единственное, что спасло меня тогда, — быстрые ноги. Теперь они, похоже, захватили и мой дом.

Я собрал волю в кулак и прошёл за обеденный стол на кухне. Жена была, как всегда, чем-то недовольна и быстро орудовала сковородой.

— Что расселся? Накладывай, — она резко развернулась, и страх парализовал меня: у её лица висело едва различимое чёрное пятно. — Или мне за тебя ещё и поесть?

— Сам справлюсь, — как можно более холодным тоном ответил я.

Я старался не смотреть на неё, пряча взгляд в тарелке.

— Может... — начал я неловко. — Может, прогуляемся после ужина? Погода на улице не по-зимнему мягкая.

Я расковыривал чуть подгоревшую капусту вилкой, кусок в горло не лез. Затылком чувствовал их проницательные взгляды. Эти твари что-то нашептывали ей, их тихие голоса разрезали воздух и падали рядом, смешиваясь в бесформенную кучу и давя на сознание.

— Может, и в кафе бы зашли? — стоны баньши лишь усилились.

— Что значит «может, в кафе зайдём»? Ты не припух ли часом? Я ему весь вечер готовила, ешь давай! — Жена фыркнула, как кошечка. Они явно её не отпускали.

Ещё одна тень пролетела сбоку, пытаясь обогнуть меня со спины. Я быстро проглотил подгоревшую капусту и вышел обратно в комнату. Нечисти здесь было явно больше чем надо. Я насчитал пять или шесть тёмных пятен в разных уголках кухни. Их леденящие взгляды впились в меня, обжигая само сознание. Надо выбираться из дома. «А как же жена, соседи?» — «Они все пропали». — «Ты не сможешь их всех бросить, они все умрут!» — «А что я могу? Я понятия не имею, что делать». — «Давай попробуем вывести тех, кого сможем, на улицу». — «Так меня за психа примут. И что я им скажу?» Мысли рвали голову, голоса вторили друг другу. В ушах давило, свет явно потускнел.

— Собирайся, я буду ждать тебя внизу! — как можно строже выкрикнул я из комнаты, напаяливая трясущимися руками штаны. — Мы идём, и я не приму отказ. Снова.

— Никуда я не пойду, ты не доел.

Возможно, мои решительные слова как-то на неё подействовали — шёпот на мгновение прекратился.

— Я не спрашиваю, — голос зазвучал увереннее вдали от этих жутких призраков. Я успел осмотреть комнату: она была ещё чиста от них. Их присутствие выдавал лишь необычно тусклый свет обычно ярких лампочек да давящее чувство безысходности.

— Нет, никуда я не пойду, — шёпот существ усилился, и голос жены изменился, стал более мягким и мелодичным. Завлекают, подумалось мне.

Я резко вышел из комнаты, широко распахнув дверь. На секунду показалось, что от моих действий даже свет стал гораздо ярче.

— Не обсуждается. Я жду у подъезда.

Быстро выскочив на лестничную клетку, я помчался вниз по ступенькам. Никого не было заметно, лампочки в подъезде светили как всегда, давящее чувство прошло. С лёгким подъёмом настроения я очутился в тихом и безмятежном декабрьском вечере. Медленно плыли по воздуху крупные снежинки, ярко светили фонари, а в грудь вернулось чувство безопасности. Я остановился под фонарём и стал разглядывать дом. Снаружи всё казалось как обычно: в окнах горел тёплый свет, мелькали силуэты соседей. «Неужели они только у меня в квартире? Я стал разносчиком этой нечисти или это просто совпадение? А может, они охотятся за мной? Прознали, твари, что я их вижу, и думают, что я представляю опасность». Надо гнать из головы эти разговоры с самим собой.

Время шло катастрофически медленно. Я бродил в свете фонаря по пустому двору, не находя себе места. Парадная дверь открылась с лёгким скрипом. Я обернулся — жена шла, укутавшись в тёплый пуховик, который набросила поверх домашнего халата.

— Ты не могла одеться теплее? Мы же идём гулять, и я не знаю, когда вернёмся, а на улице зима! — чуть ли не крича, я начал набрасываться на неё, как загнанный зверь.

— Никуда мы не пойдём, ужин стынет. Ты совсем с ума сошёл, соседей только пугаешь!

Надо ей как-то рассказать, но она не поверит в мои рассказы о потустороннем мире зазеркалья, каких-то баньши и о том, что они уже внутри нашей квартиры. Ей, похоже, всё казалось как обычно, обычные мои выкрутасы и психозакидоны — так она это называла. Она, мне казалось, принимала меня за психа. Но как ей показать всё это, я не знал. Возвращаться обратно было жутко и не хотелось.

— Прогуляемся, ночь слишком романтична, и я хочу провести её с тобой.

Она нервно выдохнула, но пошла рядом.

— Я не выключила свет на кухне. Давай только недолго.

Я заметил лёгкое беспокойство на её лице. Вот так, лет пять назад, мы прогуливались, когда встретились вживую в первый раз. Тогда она казалась безмятежно милой и постоянно смеялась над моими выходками. А теперь... Теперь это каждый раз тяжёлой глыбой ложилось на наши отношения. Я подозревал, что она постоянно корила себя в мыслях, но идти, видать, было некуда и не к кому.

— Помнишь, я тебе рассказывал о зазеркалье? — начал я, как всегда, прямо.

— Да, я уже устала от твоих историй о призраках. Они давно не пугают и не развлекают. Заканчивай с ними или сходи к психиатру.

— Ну не начинай. Помнишь, я тебе его показал, в витрине? Это зазеркалье. Ты же сама его видела.

— Я не знаю, как ты это сделал, но не надо повторять. Это не смешно. Я тогда сильно испугалась. Не знаю, как ты провернул тот фокус, но прошу тебя, не надо снова это делать. Давай недолго погуляем и пойдём домой.

— Это был не фокус. Они у нас в квартире. Я их видел.

— Кто у нас в квартире? Твои видения? Не придумывай. Будешь продолжать — я завтра сама схожу к врачу, и тебе выпишут первое приглашение. Ты этого добиваешься?

— Ты только послушай меня. Представь, что это всё по-настоящему.

— Что по-настоящему? Призраки из зазеркалья? — её голос стал выше.

— Ну ты сама видела. А что, если это всё не шутки, а на самом деле? Что тогда?

— Тогда мы все умрём. Что с того? — Она остановилась и дёрнула руку, я больше не держал её.

— Давай так. Мы сейчас вернёмся обратно. Ты делай вид, что ничего не знаешь, им нельзя давать повод думать, что мы их видим. Если я тебе покажу их у нас в квартире, ты мне поверишь?

— Не пугай меня. Если покажешь — поверю. Если не покажешь — обещай мне, что ляжешь спать и завтра сходишь со мной к врачу.

— Договорились. Только дай «перекурить» перед возвращением. — Сердце опять забилося учащённо. Я не представлял, что делать дальше, как показать этих существ из зазеркалья так, чтобы они потом нас спокойно отпустили на улицу. — Приготовь тёплые вещи сразу, как придём домой. Я зайду в ванну и буду, якобы, умываться, а ты не раздевайся, заходи ко мне. Я что-нибудь придумаю.

— Хорошо. Только пошли быстрее.

Она явно мне не верила. Думает, что это или очередные «бредни сумасшедшего», или попытка её напугать. Снова. Я понимал, что со стороны всё это кажется нездоровым поведе-

нием, но я с этим жил с раннего детства и множество раз проверял себя: не сошёл ли я с ума. К сожалению, не сошёл.

Мы поднялись обратно в квартиру, и я спешно зашёл в ванную. Тени мелькали в коридоре, я их видел через открытую дверь. Жена не торопилась. Я слышал, как она сняла сапоги, прошла в комнату и стала открывать ящики. В этот момент с кухни к ней пронеслось две или три тени, отразившись в зеркале. Я не был уверен, что все они были в нашем мире. Возможно, часть из них носилась по зазеркалью и была лишь отражением. Я боялся повернуть голову. Одна из теней на секунду остановилась и впилась в меня взглядом. Холод оцепенения прокатился по спине. Я пересилил его и стал делать вид, что умываю лицо водой. «Да когда же она придёт?» — каждая секунда здесь поднимала из самых закоулков моего сознания леденящий страх.

Шаги жены стали приближаться, и её силуэт появился в ванной.

— Закрой дверь, пожалуйста.

Она быстро закрыла дверь и заперла её на шпингалет. На удивление, жена тепло оделась. Я даже на секунду подумал, что она мне верит, а не предвкушает ночные прогулки со сходящим с ума мужем среди холода и снега этой декабрьской ночи.

— Готова? Когда ты согласишься — побежим бегом на улицу. Согласна?

— Согласна. Давай показывай, что ты хотел.

Я ещё немного помедлил, разглядывая отражения в зеркале. С виду там никого не было. Они не могли вот так сразу понять, что я задумал, — я надеялся на это.

Подняв руку, я прикоснулся к зеркалу. Его поверхность исказилась и прилипла к пальцам, словно вода или ртуть. Я засунул руку по локоть в зеркало и вслед за этим просунул туда голову. В ушах стало безмятежно тихо. Мир, наполненный глухими отзвуками, окутал меня. Я оказался в зазеркалье, но не целиком — в такое маленькое зеркало залезть полностью было нельзя. Я знал: как только я пересеку порог миров, они меня почувют и придут за нами с этой стороны.

Так и произошло. Дверь в ванную комнату постепенно стала открываться. Меня охватил ужасающий страх. На секунду я оцепенел. Из коридора в ванную проникло одно существо. Оно удивлённо смотрело на меня, точнее — на ту половину меня, которая торчала из зеркала на стене. Ещё секунду помедлив, я резко вернулся обратно в реальный мир, в свою ванную. Дверь в зеркальном отражении была открыта, а в проёме стояло огромное чёрное существо, которое я называл баньши. Жена резко вскрикнула и обернулась — в нашем мире дверь была закрыта. Баньши резко ускорила и врзалась в зеркало с той стороны. Этим путём мог пользоваться только я. Те, кто были в зазеркалье, не могли проходить через зеркала, во всяком случае, не через все, а только через открытые приглашением. Это не было открыто — это хорошо. Я развернулся к жене.

— Теперь веришь? — Я схватил её за руку и толкнул в сторону двери. — Бежим на улицу, там всё обговорим.

Она медлила, её взгляд был прикован к отражению в зеркале, в котором металось чёрное существо. Оно пыталось пробраться в наш мир путём, которым прошёл я. Лампочка в ванной стала светить ещё тусклее. Я вытолкнул жену в коридор. Со всех сторон раздались замогильные визги. Сломая голову я толкал жену к выходу, но она сопротивлялась. Из комнаты сзади неслась очередная тень. Лампочки мигали, и на мгновение нас окутывала крошечная тьма. Краска на стенах покрылась изморозью и начала отваливаться. Я схватил сапоги жены и, не раздумывая, вытащил её в коридор за руку. Мы быстро выбежали на улицу, освещённую дворовыми фонарями. Здесь было спокойно. Лишь отблески света, иногда пробивавшиеся из окон нашей квартиры, говорили о бесчинствах, происходящих внутри дома.

Я передал сапожки жене, и она стала их надевать, стоя в шерстяных носках прямо на снегу.

— Что это было? — её голос терялся в падающем с неба снегу.

— Баныши. Теперь они знают, что я их видел. Думаю, обратно они меня не пустят. Возможно, и тебя. — Дикая рёв раздался из окон нашей кухни. Окно разбилось, стёкла с дребезгом полетели вниз. — Они не могут выйти на улицу, это не их мир.

— А кто бьёт окна? Почему я не вижу их?

— Они и бьют. Скоро этот дом превратится в убежище чёрных сил, а люди или сопьются, или станут бездушными куклами, как в чёрных дворах. Помнишь, мы бродили по таким?

— Помню. Но я думала, это всё твои сказки, что ты так хочешь напугать меня, когда мне это даже нравилось... — она осеклась на полуслове.

— Ну, я с детства жил в этом мире. Я могу входить в зазеркалье через отражения, я же показывал.

— Так я думала, это фокус, какой-то. А кто был в нашем зеркале в ванной?

— Они и были. В нашем мире их образ — это едва заметная тень, а вот в своём они огромные и страшные. Я встречался с ними пару раз. Думаю, они не могут между собой разговаривать или как-то общаться, иначе сожрали бы меня давно. Теперь и в нашем доме знают, что я есть и вижу их. Это плохо для меня.

— А если бы я сразу тебе поверила, мы бы могли вернуться домой?

— На какое-то время. К утру всё равно пришлось бы сбежать от них, но был бы шанс вывести людей. Теперь же они обречены.

— Наши соседи?

— Да, и наши соседи. Ты видела, что эти тени вытворяли, когда осознали, что я вижу их? Думаешь, они теперь просто так пустят меня обратно?

— А что делать?

— Ничего. Будем думать, как дальше жить. Может, продать квартиру, пока не поздно? За сколько её могут купить?

— Как ты продашь? Там же надо хоть ремонт сделать.

— Ну, наймём кого-нибудь. Всяко их не сожрут.

— Наймём на что? У тебя деньги есть? Ладно, поехали к Людке, она нас пустит переночевать. Завтра решим, что делать дальше.

Глава вторая

Людмила Михайловна, которую мы в тесном кругу звали просто Людкой, накинув халат поверх ночной рубашки, стояла у плиты и разогревала бутерброды на сковородке. Перед нами уже стояли доверху наполненные чашки чая, и я накладывал небольшой серебряной ложечкой сахарный песок. Людка молчала.

— Мы ненадолго, пару ночей, может, до недели. Видишь ли, сил уже терпеть нет. Завтра же закажем санобработку, — жена всё пыталась оправдать наш столь неожиданный ночной визит.

— Так, пожалуйста, хоть две недели. Ты же знаешь, одной-то как скучно, я всегда рада гостям!

Резво выкинув очередную порцию горячих бутербродов на заранее приготовленное блюдо на столе, Людка снова отвернулась к плите.

— Люд, может, хватит кашеварить? Мы же не голодные, — я попробовал остановить хозяйку, истосковавшуюся по гостям.

— Да какое там хватит! Вы с дороги, проголодались, поди?

— Велика дорога, пятнадцать минут на автобусе. Ладно, но я не обещаю это всё съесть!

Пока мы добирались до Людмилы, страсти поутихли, и Людка накормила нас уже у себя. После плотного ужина мы все перебрались в гостиную, где звонко работал телевизор. Девчонки

сцепились языками, а мне оставалось лишь изредка поддакивать да листать каналы. Чувство полнейшего спокойствия заполнило комнату, а тёплый ровный свет убаюкивал.

Уже далеко за полночь все улеглись спать. Первый луч солнца, прорвавшись из-за штор, вернул меня в царство яви. До будильника оставалось ещё пятнадцать минут. Рядом, свернувшись калачиком под одеялом, спала жена.

Я быстро собрался и вышел на улицу, решив не тревожить её мерный сон. По пути на работу надо было заскочить в свою квартиру и глянуть, как обстоят дела там.

На улице в разные стороны текли толпы людей. Я утонул в мерном гуле голосов и просочился в автобус, который как нельзя кстати стоял с распахнутыми дверями на остановке. Ухватившись поудобнее за холодный металл поручня, я начал обдумывать дальнейший план. Жена, скорее всего, проснётся часов около восьми. Пока они с Людкой позавтракают и перемелют косточки всем нашим знакомым, время будет к обеду. Вот тогда и надо будет начинать действовать, а пока — время исследований.

От мыслей о том, как же эти зазеркальные существа подобрались так близко, меня вырвал голос автоинформатора — надо выходить. Проскользнув на улицу, стало немного не по себе. Вокруг зловещими силуэтами возвышались старые девятиэтажки. Казалось, изо всех окон на меня смотрят холодные взгляды потусторонних существ. Укутавшись в шарф, я поспешил к своему подъезду. В свете солнца он лишь робко поскрипывал дверью, приглашая войти. Засунув поглубже свою неуверенность, я решительно перешагнул через порог. Откуда-то из подсобки вырвалась мысль: я здесь был абсолютно один. От остановки и до самого подъезда меня провожали лишь отголоски внутренних переживаний и ни единой души. Нога сама замерла над первой ступенькой, ведущей наверх. Тишина. Я прислушался. Сквозь грязные стёкла лестничных окон сюда едва пробивался солнечный свет. Где-то наверху отчётливо скрипнула дверь. Я сделал первый шаг по лестнице. Эхо разнесло по подъезду звук моего шага. Что это — морок или ранняя степень шизофрении? Отгонять наплывающие на лоб чёрные мысли становилось всё сложнее. Рванув вперёд, переступая через ступеньки, я бегом домчался до своего этажа. Дверь в квартиру была закрыта. Нашупав в кармане большую связку ключей, с железным звоном я открыл входную дверь. Она распахнулась, открыв вид на небольшую прихожую. На вешалке всё так же висели разные куртки, кучи разномастной обуви стояли нетронутыми. Дверь в комнату была закрыта. Сердце рвалось из груди, а ноги стали ватными. Я пересилил своё первобытное желание развернуться и убежать и ступил на пол прихожей. Снова скрипнула половица. Сложилось ощущение, что кроме скрипа этой половицы звуков во всём доме больше не было. Скрип был настолько похож на услышанный внизу, что мурашки непроизвольно побежали по спине, и я включил верхний свет, чтобы хоть как-то успокоиться.

Я быстро пробежался по квартире, заглянул в ванную — везде было пусто и тихо, отключил газ и спустился на улицу. Кроме чувства внутреннего напряжения, всё казалось спокойным, и ничто не напоминало о вчерашнем вечере. Окна в доме не были разбиты, соседей не видно, всё как будто растворилось в солнечном свете. Может, это всё мне показалось? Может, действительно стоит обратиться к врачу? С тяжёлым сердцем я медленно пошёл на остановку. Дверь автобуса закрылась, и, утопая в шуме города, я растворился до вечера.

После работы, уже почти забыв про наваждение, я вынырнул к автобусной остановке, где среди тёмных силуэтов работяг стояла она — единственный лучик света моей жизни, — жена. Обхватив руками какой-то крупный белый пакет, она командным голосом приказала:

— Сейчас мы едем в нашу квартиру, и если там всё в порядке, собираем вещи. Ты почему мне днём не позвонил?

Действительно, почему? Я и забыл. Отпустил. И, может быть, даже надеялся, что всё это было сном? Страшным сном.

— Не знаю, забегался. Извини, что так получилось. А ты чего это здесь стоишь?

— А где мне стоять? Одной ехать в нашу квартиру и стоять на кухне, где летают чёрные создания, а мой муж ползает по зеркалам? Ну уж нет.

— Я там был с утра, до работы. Всё было тихо. Может, это мои закидоны?

— Может, и твои, но уж больно общие. На, неси.

Она сунула пакет с чем-то мягким мне в руки и повела, как маленького, на остановку.

До нашего дома мы ехали молча. За окном автобуса то и дело мелькали светофоры, люди спешили кто куда по своим делам, а я только и мог, что пялиться в тёмное окно. Мысли не шли в голову, там была просто каша. За день я успел поверить, что прошлого вечера и не было вовсе. Что всё это мне привиделось. Видать, крепко напугал жену, раз она меня так встречала с работы.

Двор встретил нас всё тем же светом одинокого фонаря.

— Страшно-то как. Давай ты иди первый, — жена легонько подтолкнула меня в спину.

— А чего это я первый?

— Потому что ты мужчина!

— Так вроде по законам этикета дам вперёд пропускают, чтобы в полной мере насладиться их походкой сзади, — попытался пошутить я.

— И света в окнах нет...

Действительно, только сейчас я заметил, что во всём доме не горело ни лампочки.

— Может, все разъехались по магазинам или спят. А может, в гости ушли. Что теперь, панику наводить?

— Может, и ушли, — жена нервно оглянулась по сторонам.

Я открыл дверь подъезда и зашёл. Вслед за мной зашла жена и медленно, придерживая рукой, прикрыла дверь. Где-то наверху тихо скрипнула половица. На стене, под потолком, едва светила старая лампочка под плафоном в виде стеклянной банки. Стараясь не дышать, я поднялся по ступенькам холла на первый этаж. Лампочка трижды мигнула и погасла. Непроглядная тьма свалилась на нас и обволокла тело мерзким, сырым и, казалось, густым и вязким, как кисель, ужасом. Спешно я нашёл свой старенький телефон в кармане и включил фонарик. Луч света в пустоте нащупал лицо жены, искажённое ужасом.

— Ничего не случилось, — прошептал я. — Просто перегорела лампочка.

Мы вышли на лестничную клетку. В одной руке я держал телефон и пытался включённым фонариком светить себе под ноги, а вторую руку с пакетом с силой сжимала жена в районе предплечья.

— Может, постучимся к соседям? — предложила она.

— И что мы им скажем? Даже если нам откроют, что дальше?

— Ну, попросим проводить нас...

— Куда? До квартиры? Не смеди людей. Пошли давай.

Я постарался придать своему голосу уверенности и довольно быстрым шагом подошёл к лестнице наверх. Где-то сверху отчётливо раздался звук скрипящей половицы, будто кто-то ходит по старому деревянному полу. Жена дёрнула мою руку.

— Слышал?

— Дом старый. Кто-то ходит, половицы скрипят. — Я пытался успокоить жену. Это получалось плохо, голос то и дело сбивался, а ком подступал к горлу. — Идём давай.

Мы медленно, крадучись, поднялись на наш этаж. Воздух спёрло настолько сильно, что стало тяжело дышать. Это было не зловоние, нет, воздух стал словно вода: тяжёлый, каждый вдох выматывал, приходилось с силой контролировать дыхание.

Я достал из кармана куртки связку ключей, зажал телефон в зубах, вставил ключ в замочную скважину. Сделав пол-оборота, ключ намертво встал, и замок заклинило. Я поставил пакет на пол и попытался с силой повернуть ключ, но он не поддавался.

— И что теперь делать? — прошептала жена сзади.

Обернувшись, я цыкнул на неё и начал снимать заклинивший ключ с общей связки.

— Возьми фонарь и посвети мне, — тихо, но уверенно скомандовал я. Жена повиновалась, вынула телефон у меня изо рта и стала светить. Пара минут — и связка была в кармане, а заклинивший ключ остался в замке. Безуспешно попробовав повернуть его ещё несколько раз, я решил оставить всё как есть.

— Идём на улицу, там решим, что делать.

Под слабым лучом фонарика мы быстро спустились в холл. Я толкнул дверь на улицу — она не поддавалась.

— Не пугай меня, — раздалось жалобное то ли шипение, то ли мычание из-за спины.

— погоди, — я приложил входную дверь плечом со всей силы. Она с грохотом открылась, и мы вывалились из подъезда на улицу, быстро отбежав от дома под свет фонаря.

— Что это было? — спросила жена.

— Я не знаю. Совпадение. Ключ заклинило в замке.

— А дверь?

— Ну, что-то заело. Может, косяк разбух.

— Сам ты косяк разбухший. Не пугай меня!

— Давай вызовем специалиста. Не оставлять же ключ в замке. У тебя есть номер какой-нибудь конторы?

— Посмотри на столбе, они обычно везде развешивают свои объявления. Я видела рекламу на окне первого или второго этажа.

— Я пока не готов вернуться, чтобы посмотреть, — пробормотал я себе под нос и начал искать телефоны контор по вскрытию замков. Как назло, ни один не попался на глаза.

— Я поищу в интернете, если связь поймает, — сказала жена и полезла в пакет.

Она вынула из него свою дамскую сумочку и извлекла на свет из недр карманов телефон.

— Вот, звони. Мастер по вскрытию замков Михаил. — Она быстро надиктовала мне номер и сложила всё обратно. На мой многозначительный взгляд лишь ответила: — А что мне самой таскать такую тяжесть?

— Конечно, дорогая. Это ж не ты её собирала, сумку-то.

Я набрал номер Михаила, и мы договорились о встрече у подъезда через сорок минут.

— Может, с Мишей нам повезёт и чертовщина отступит ненадолго? — спросил я в никуда и повесил трубку.

— Тогда можно будет взять Людку, если она будет не против.

— И что ты ей покажешь? Чёрную плесень, которая мечется в зеркалах?

— Ну да, об этом я не подумала. Людку пригласим потом, как сделаем ремонт или купим новую квартиру.

— То есть никогда, — засмеялся я, забыв о нашей с ней ситуации.

Миша пришёл ровно через сорок минут, как и обещал. Мы трое зашли в подъезд, в котором на удивление ярко горела лампочка, и через десять минут уже стояли у открытой двери в квартиру.

— Может, зайдёте на чай? — приглашая Михаила внутрь, ласковым голосом проговорила жена.

— Да-да, у нас есть вкуснейший сыр с плесенью, — вторил ей я.

— Вообще, я не против горячего чая с бутербродами, — Михаил решил не ломать комедию и согласился.

Мы включили свет во всех комнатах. Жена зажгла газ на плите, и весёлый свист скоро наполнил кухню, приглашая отведать душистого чёрного чая с ароматом смородины.

— Тихий у вас райончик, — жуя бутерброд, решил начать разговор Миша.

— С недавних пор, — негромко ответил я.

— А что случилось?

— Да как сказать, не знаю. Ещё два дня назад двор был довольно шумный, а вчера и сегодня как будто все вымерли.

— Как на Севере. Может, на дачи смылись.

— А что на Севере?

— У меня был вызов вчера туда. Ситуация наистраннейшая: женщина сломала ключ в замке, пытаюсь его провернуть, личинку, видать, заклинило. К моему приезду все ногти себе обломала, даже пол немного кровью закапала. Вот она и рассказала, что у них во дворе случилась ровно такая же ситуация. Во всём доме осталось жилых две квартиры буквально за пару дней. И вот же незадача: все как будто сквозь землю провалились. — Миша ухватил третий бутерброд. — Она и по квартирам ходила, два часа искала мой телефон. А я же их на каждом этаже развешиваю, в том районе, где работаю. У нас же, понимаете, творческая солидарность с коллегами: я не лезу к ним в район, они ко мне. Так и живём, никому не мешая.

— А что же с соседями? — перебил его я.

— Так... Ах да. Во всём доме осталась она и какая-то бабка через подъезд. Мы видели её тень в окнах. Может, и ещё кто-то был, но я особо заикливаться не стал. Работу сделал и пошёл. Денег получил — и уже спасибо.

— А что за дом, что за улица?

— Что, хочешь в гости к одинокой даме? А жена не будет против?

— Да какое там в гости. Просто интересно.

— Ну, раз просто, то улица Лесная, дом 48.

Жена нервно икнула и косо посмотрела на меня.

— Знакомый адрес?

— Ну как знакомый, — вклинилась в разговор жена. — Квартира, случайно, не 48, а хозяйку не Ольга зовут?

— Случайно 48. И да, Ольга. Знакомая ваша?

— Да, давнишняя. Друг семьи. Вот так незадача: и у нас, и у Ольги ключ заело, — улыбнулся я, подливая чай в опустевшую кружку гостя.

— Спасибо, но мне хватит. Время позднее, дома меня уже заждались, наверное. — Михаил отодвинул от себя приборы и пошёл к выходу.

— А давайте мы вас немного проводим, — резво выскочив из-за стола, протараторила жена.

— Да что меня провожать? Я и сам уйду. Вы не переживайте, дорогу знаю, дворы знакомые, — остановившись в проходе, стал отнекиваться Миша.

— Нет, что вы. Мы просто тоже сейчас уходим, и нам точно по пути до остановки. Я видела, как вы приехали на автобусе. — Жена нервным жестом поторопила меня собраться.

— Ну, раз по пути, то давайте прогуляемся. Но только если вас не затруднит.

— Не затруднит, не затруднит. Мы тоже на автобусе поедem к подруге. Пока здесь ремонт, поживём у неё.

— Ремонт? — Михаил обвёл взглядом нашу прихожую.

— Да, буквально вчера начали. Скоро должны работники приехать, а у нас казус — замок сломался.

— Это уже не моё дело. Ремонт так ремонт.

Михаил надел куртку и замер в дверях, ожидая нас. Жена быстро накинула верхнюю одежду и, не взглянув в зеркало, выскочила на этаж. Через минуту мы уже стояли внизу, у подъезда, и болтали о погоде, а я пристально изучал тёмные окна нашего дома. Бабка значит. Уж не поселились ли и в доме Ольги эти баньши? Я их в зазеркалье видел в образе сгорбленных старух в балахонах, с косами или посохами в руках.

— А у той бабки на Лесной, 48, случаем не было палки или посоха в руках? — я некрасиво вклинился в разговор Миши и жены.

— Ну, мне показалось, она была с клюкой или зонтом. Я же говорю: видно только силуэт в окне, тень. Чего там разглядеть можно? А с чего вдруг такой интерес к этой бабке? Мало ли с чем они по своим квартирам шарахаются. Я и не такое видал. Один раз на заказе мне открыла старушка на инвалидной коляске. Вот это я могу понять: как она, бедная, по дому-то ходит? И ведь совсем одна! — Мишу носило по темам разговора, как старый фрегат во время шторма.

— Да так, просто интересно. Не Павловна ли, — соврал я.

— А-а-а, так надо заехать да посмотреть, вдруг пирогами угостит. — Миша подмигнул моей жене. — О, как раз и мой автобус.

Он быстро нырнул в чрево белого «пазика» с номером 23, и мы остались опять вдвоём с женой.

— Думаешь, эта бабка, Ольга и тени как-то связаны?

— Я пока ничего не думаю. Просто странно: Ольга и мы. Я ведь к ней заходил пару недель назад в гости. Всё было хорошо. Встретил у подъезда её соседа, Сашку. Помнишь его? Поболтали минут пятнадцать. Двор-то у них огромный, не то что наш, полно детишек было. Куда все делись?

— Хочешь, можем завтра съездить к Ольге и сами всё узнаем.

— Можем. Завтра видно будет.

Наш автобус подошёл точно по расписанию. Мы заняли последние сидячие места в конце салона и молча поехали к Людке.

Глава третья

Телефонный звонок от Ольги оторвал от рабочих мыслей. Вокруг кипела работа, бегали коллеги, и вот — звонит. А я уже почти забыл, что происходит вне забора и колючей проволоки моего завода.

— Да, Оль, привет.

— Привет. Заедешь сегодня? — голос в трубке был необычно тихим и спокойным для Ольги.

— Как раз вчера обсуждали тебя с женой, думали заехать сегодня на пару чашек чая. Надо что-нибудь купить в магазине?

— Может, без жены заедешь?

— Ну как я без неё? Ты что? К тому же и она хотела повидаться...

— Хорошо, купите молока и пирожков. Будет хорошо, если привезёшь пирожков.

Пирожков из заводской столовой я покупал частенько, перед тем как идти к кому-нибудь в гости. Пышные, румяные — обычное лакомство в наших краях. А лучшие пироги в городе, не считая бабушки Веры, пекли именно у нас. Я насторожился и решил позвонить жене.

— Привет. Мне только что Ольга звонила, на чай звала, но почему-то непременно одного. Я сказал, что вместе с тобой поедем.

— Почему одного? Что у вас за отношения с моей подругой? Ты ничего не перепутал?

— Я же говорю: сказал, без тебя не поеду. Не придумывай.

— Вечером обсудим. Я буду ждать на проходной без пятнадцати пять. Не задерживайся.

— Хорошо. Она просила купить пирожков...

— Ольга? У неё же аллергия то ли на масло, то ли на выпечку, то ли на всё вместе.

— Не знаю. Я, может, чего не знаю, но куплю, конечно. Увидимся после смены.

Сигнал пропал, и вызов сбросился.

Следующие шесть часов до конца смены меня терзали смутные сомнения на фоне странного звонка Ольги. Её необычно спокойный голос даже слегка пугал.

Ровно без пятнадцати пять я стоял за проходной. В одной руке сжимая телефон — на случай, если позвонит жена, в другой — тонкий полиэтиленовый пакет с пирожками.

— А вот ты где, — раздался голос жены сзади. — А я тебя ищу.

— Так я всё время в этом месте тебя жду.

— Что, купил ей пирожков?

— Нам. Нам купил. Она обычно не ест. Ольга ещё просила заехать за молоком в магазин.

Мы немного постояли в тихой неопределённости и пошли на остановку. Путь лежал на другой конец города.

Выйдя из автобуса на «Лесной», я осмотрелся. Район, казалось, нисколько не изменился. Только в Ольгином доме не горело ни единой лампочки в окнах.

— Странно, света нет, — попробовал начать разговор я.

— Да у нас последние дни всё страннее и страннее. Ничему уже не удивлюсь. Идём, не на улице же стоять.

Жена схватила меня за руку и повела в магазин, который находился на первом этаже Ольгиного дома. Мы быстро купили пакет молока у приветливой продавщицы и через три минуты стояли на крыльце. Здесь не было того гнетущего ощущения, как у нашей квартиры. Не было вообще никаких эмоций: дом как дом. Резко открыв дверь, я зашёл внутрь. Там было темно. Нащупав в кармане телефон, я высветил подъездный мрак фонариком, нашёл выключатель — и, о чудо, свет включился.

— Может, не всё так страшно?

— Может, вы просто встречаетесь за моей спиной?

— Не пори чушь. Ты же знаешь, мне некогда! — я выпалил первую сумасбродную мысль, пришедшую в голову.

— То есть ты не отрицаешь?

— Не шути так. Ты моя жена, и для меня это выше всего остального. — Я развернулся, взял её за плечи и нежно поцеловал.

— Хорошо. Только не обманывай меня. — Жена подняла взгляд, и я заметил лёгкий блеск слёз в её глазах.

— Родная, ты чего?

— Ничего. Всё хорошо. Пошли давай уже...

Я медленно развернулся и повёл супругу к лифту. Двери лифта открылись, наполняя полумрак подъезда тёплым светом.

Поднявшись на этаж, мы постучали в дверь — звонок не работал. Из-за двери послышались шаркающие шаги, металлический скрежет, будто отпирали древний засов, и наконец в проёме появилось лицо Ольги.

— А это вы, — заунывно протянула она и открыла дверь полностью, приглашая нас войти.

— Привет, Оль. Что это срочное? — пробормотал я, раздеваясь в прихожей. — Вот пирожки, как ты и просила.

— Да, пирожки — это хорошо. Заходите.

Ольга медленно развернулась и, волоча ноги, пошла на кухню. Мы с женой переглянулись.

На кухонном столе, среди крошек и мусора, стояли чайник и три чашки уже налитого чая.

— Я ждала вас, — всё тем же отрешённым тоном начала Ольга. — Не знаю, как начать, но всё началось с твоего последнего визита.

— Что началось? — перебил я Ольгу на полуслове.

— Не знаю. Сначала ко мне зашёл Сашка, мы обсудили какие-то несущественные теперь вещи, и он ушёл. Потом перестала работать связь. Простите, я не знаю. Я не выходила из дома две недели. — Ольга вдруг разрыдалась.

— Тише, тише, — попробовал успокоить её я, взяв за руку.

— ...Оно всё исчезло. Только та старая бабка приходит по ночам и требует тебя...

— Меня? Какая бабка? Начни с начала. Что происходит? — я немного занервничал. Жена молча налила себе чай и начала жевать пирожок с капустой.

— Я не могу. Я сошла с ума. Это всё бред... — Ольга всхлипывала через слово. — Я думала, весь мир закончился и настал конец света.

— Ну, света в вашем доме мало, — подхватил разговор я.

— Света нет уже две недели. Всё это время. Его дали за две минуты до вашего прихода.

— Так давай с самого начала. Рассказывай всё, как помнишь.

Я пододвинул чашку чая поближе к ней и положил рядом пирожок.

Ольга медленно взяла в руки чашку, обмакнула губы в чай и начала:

— Первая ночь прошла как обычно. Вначале мне только казались какие-то тени по углам и в прихожей, но ты же знаешь, зрением меня бог обидел, и я не обратила на них внимания.

— Тени?

— Не перебивай. Тени. Они кружили безмолвно над моей головой, некоторые тянулись из коридора, пролезая под дверями. Я чувствовала их холодные, липкие и влажные пальцы на своём теле. Поначалу мне даже казалось это немного странным, но интересным — я же одинокая женщина. На второй или третий вечер пришла она. От неё веяло загробным холодом. Я... я... я открыла дверь, а там... — Ольга всхлипнула, откусила пирог и продолжила: — А там она. Я не могла её разглядеть, я видела лишь тёмный силуэт, чёрный палантин и ужасную косу. Её голос зазвучал у меня в голове. Я упала на пол, а когда очнулась, за окнами был день. Я понимаю, что всё это звучит странно, но прошу, дослушайте до конца. Поначалу я думала, что мне приснился кошмар, в котором меня уволокли в потусторонний мир к этим бестиям. Я могла видеть их лица, но они были ненастоящие. Я смотрела на них как будто сквозь старый изломанный стакан. Часть из них рвала моё платье, часть вцепилась в волосы... — Ольга замолчала ненадолго, собираясь с мыслями. — Это было ужасно. Дьявольские песни и эта жуткая мелодия... — она попробовала её напеть, но получилось плохо. Тогда Ольга откусила ещё кусок пирога. — Тени обрели плоть и форму. Среди них были змеи, какие-то остатки бабочек и множество жутких мух. Мухи были везде. Они рождались, жужжали и пытались залезть внутрь меня. Они грызли мою кожу, оставляя кровавые потёки, а над всем этим нависала она.

— Старая бабка, у которой вместо глаз зелёное пламенеющее нечто?

— Да! Откуда ты знаешь? Ты её видел? — Ольга быстро схватила меня за футболку и начала трясти изо всех сил. Ваза с печеньем и кусками засохшего хлеба слетела на пол и разбилась.

— Видел. Давно. Это баньши.

— Да! Чёртова старуха твердила только три слова: бань... ши... и твоё имя. Ты понимаешь? Они ищут именно тебя. Это всё случилось из-за тебя. Они ждут тебя! — Ольга забилась в истерику. Её глаза заволокло белой пеленой, волосы упали на лицо, а свет на кухне заморгал.

Я с силой ударил её по лицу.

— Зачем? Зачем им я?

Ольга лишь хохотала, упав на пол. Её тело изогнулось в невозможной позе. Свет погас. Трясущимися руками я достал телефон и включил фонарик. Тусклый луч выхватил лицо Ольги, искажённое гримасой. Она начала пятиться и вжалась в угол, издавая непонятные шипящие звуки. Я схватил жену за руку и потащил в коридор, по пути захватив в охапку нашу одежду.

На лестнице света не было. Я быстро взглянул вниз, в темноту, сквозь щель в пролёте между этажами. В крошечной тьме в нашу сторону медленно плыли два зелёных, пылающих огнём глаза.

— Это она! — громко вскрикнула жена. Её голос эхом разнёсся по этажам, и колокольчики заиграли во всех углах.

— Она, она, она... — вторило эхо со всех сторон.

Луч фонаря выхватывал странные силуэты отовсюду. Они прятались в углах, их тонкие ручки, казалось, тянулись к нам. Я нервно дёрнул руку жены, и мы бегом помчались вверх по ступенькам. некогда было раздумывать, мне хотелось убраться подальше от этого всего. Пробегая по стенам, полу и потолку, мой фонарь, словно клинок, рассекал тьму, вычерчивая силуэты теней. Они растворялись на свету и снова обретали форму, стоило лишь на мгновение мраку стугиться обратно. Мыши, крысы, волки, змеи — весь бестиарий земных существ, как через искажающее зеркало, выныривал из мрака и забивался в ужасе от тусклого света фонаря. Я не боялся, я был в ужасе, но разум холодной стрелой рассекал саван морока, указывая единственно возможный путь — наверх.

Сердце пульсировало. Я сжимал руку жены. В ушах стоял жуткий вой. Сквозь него из сумрака вынырнуло лицо жены, она трясла меня за плечи.

— Что? Что с тобой происходит? — с трудом услышал я её голос сквозь гул в ушах. — Куда ты меня уволок? — не унималась она.

— Тени! Баньши! Она идёт за нами! — Я был в отчаянии, шарил глазами по стенам, ища путь к свободе, пусть на крышу. Хотя бы тонкой струйкой, но мне нужен был глоток свежего воздуха, воздуха свободы.

— Здесь никого нет! Очнись!

Её голос вырвал меня из пекла сознания. Силуэты таяли, цвета возвращались. Я оказался на залитой светом лестничной площадке. Мельком взглянув вниз, до меня дошло осознание, что всё закончилось. Снизу на меня смотрела испуганная Ольга. Жена трясла меня за плечи. Больше никого не было рядом.

— Что? Что происходит? — с недоверием спросил я.

— Мы сидели и пили чай. Ольга только успела упомянуть про тени, как тебя сорвало. С ошалелыми глазами ты помчался вверх по лестнице, снося всё на своём пути. Ты в порядке? Дай я тебя осмотрю.

Тут я заметил, что сильно поранился. По руке стекала тоненькая струйка крови, и капли падали на пол.

— Зацепился, наверное, где-то. Ничего страшного. Вы точно не видели ничего?

— Нет. Мне стало страшно за тебя. — Жена прижалась к моей щеке и почти зарыдала.

— Ладно. Пойдём обратно, — пробормотал я себе под нос.

— С тобой точно всё в порядке? — Ольга подхватила меня под вторую руку, и мы протиснулись к ней в квартиру.

— Да, да, — я решил не пугать женщин своим бредом.

Сев за стол, Ольга посмотрела на меня с недоверием:

— Ты точно в порядке? Могу продолжать рассказ?

— Да, конечно. Продолжай. — Я вытер пот со лба и отпил большой глоток чуть тёплого чая.

Ольга помешала ложечкой в своей чашке и продолжила:

— Спустя два дня ко мне пришла соседка, старушка, и села вот так, как и вы. Я угостила её чаем. — Она сделала паузу, взглянув на меня. — Эта странная бабушка рассказала, что к нам в дом приходят пить кровь зазеркальные. Она так и сказала — зазеркальные. Якобы где-то в нашем доме они проломили проход. И не разрешу ли я взглянуть на квартиру. Я разрешила. Мне тогда казалось: чем быстрее уйдёт старушка, тем мне будет проще. Дружбы водить с ней я была не готова, а поверить в рассказы о зазеркальном мире с привидениями в наше время — это уж совсем смешно. Так мне казалось. Это теперь я уже не знаю, чему верить. На прощание она передала тебе привет.

— Что, прямо так и привет?

— Да. Мы уже попрощались, как вдруг она резко развернулась и сказала: «Передавай привет», назвала твоё имя и добавила: «Мы идём за ним». — Ольга и жена повернули головы ко мне и стали смотреть так, будто я от них что-то скрывал. Так, будто я был на допросе.

— Ничего не понимаю. А из какой квартиры была старушка?

— А вот это самое интересное. Я её видела впервые. Ты же знаешь, дом у нас дружный. Есть... то есть был общедомовой чат. Мы все друг друга знаем.

— Почему «был»?

— Так теперь уже никого нет. Я поначалу думала, что сошла с ума, но нет. На улице жизнь идёт своим чередом, как и шла, а наш дом опустел. Такое чувство, что здесь осталась только я.

— И что, больше никого нет?

— Я никого не видела больше. Во дворе пусто, в окнах всегда темно. В первую неделю я пробовала найти соседей, стучалась во все двери подряд, ждала на улице, на скамейке — никого. Они все как будто растворились в небытии. Я пробовала даже вызвать мастера по вскрытию замков, придумала историю, но он ничем не помог.

— А что за историю?

— Ничего особого. Я вызвала его в восьмидесятую квартиру, к Сашке. Он провозился с замком часа два, но так и не открыл дверь. Сказал, что съездит за другим инструментом — и пропал.

— Как пропал? Мы вызывали его на днях к себе. Он сказал, что помог вскрыть заевший замок в твоей квартире? — я слегка толкнул жену в локоть.

— Ну да. Он сказал, что открыл тебе дверь, ты его угостила чаем, и он поехал домой. Он даже назвал твоё имя и номер квартиры!

— Не может быть. — Ольга слегка смутилась. — Мы не были в нашем подъезде.

— Может или не может. Дальше-то что было?

— Дальше ничего особенного и не было. Время шло, я уже подумывала, что схожу с ума, пока вчера днём ко мне не зашёл этот же мастер и не сказал, что у тебя есть для меня информация о той странной старушке. И это очень и очень важно.

— Что? Просто появился, сказал, что от меня, и ушёл? Вот же гад.

— Может, он что-то задумал? Нам стоит обратиться в полицию? — вклинилась в разговор жена.

— И что мы им расскажем? Что по городу ходит серийный подслушиватель и пугает людей?

— Это правда, правда... Что ты хочешь мне что-то рассказать? — Ольга впилась в меня взглядом.

— Думаю, мы здесь не для этого, Оль.

— А для чего?

Я вкратце пересказал историю, что произошла с нами за последние несколько дней, немного упустив из повествования свои домыслы и знания про зазеркалье.

— Хорошо. Мне надо на это взглянуть самой. — В голосе Ольги вернулись те самые нотки самоуверенности и всезнайства. — Пока не поздно, мы должны съездить к вам домой.

Мы с женой согласились. Оставив недопитый чай на столе, быстро собрались и уже через пятнадцать минут ехали все вместе на автобусе в сторону нашего дома.

Глава четвертая

Во дворе не было ни души. Мы шли привычным маршрутом. Тьма свисала с деревьев и, казалось, следила за нами. Ольга занервничала.

— Здесь явно творится что-то не то. Вы это тоже ощущаете? — она невольно втягивала голову в плечи.

— Не первый день уже, — ответил я.

Мы подошли к нашему подъезду. Ольга резко вскрикнула и замолчала, указывая пальцем на окна четвёртого этажа.

— Что там? — я пытался разглядеть в окнах, на которые она указывала, хоть что-то, кроме непроглядной тьмы. — Там ничего нет!

— Смотри! Голубые огни, как пламя свечи. Как ветер колышет. Они плывут во тьме!

— Там ничего нет, Оль. Не смотри туда. — Я отдёрнул её за рукав куртки.

— Что это было? — на секунду она растерялась, затем будто стала приходить в себя.

— Морок. Не обращай внимания. Они здесь. Это не есть хорошо. — Я взглянул на заряд телефона. — Есть у кого-нибудь зарядка? У меня телефон садится.

— У меня полный аккумулятор. — Жена достала свой смартфон и включила фонарик. — Ну что, идём?

— Начинаю сомневаться, — неуверенно произнёс я. — Может, поедем к Людмиле?

— А может, ты струсил? — жена взглянула на меня с усмешкой. — Я сегодня не видела ничего странного.

— Угу. — Я взглянул на носки своих ботинок, свет фонаря мельком скользнул по чёрной коже. — Пошли.

Жена с силой дёрнула подъездную дверь за ручку, и мы попали внутрь. Тьма обволокла меня. На долю мгновенья звук шагов девчонок растаял, и я оказался один в пустой вселенной. Далёкие отзвуки звёзд, вспышек сверхновых — всё опало за пределы горизонта. Я был один среди пустоты, и только затылком ощущал присутствие других, недостижимых миров. Я закрыл глаза и почувствовал прикосновение к плечу.

— Идём, — раздался тихий голос жены.

— Да, пошли. — Вокруг меня была всё та же тьма подъезда, разъедаемая тусклым светом фонарика в её руке.

Ольга стояла чуть позади и поглядывала в сторону выхода, цепляясь за последнюю возможность выйти на улицу.

Мы поднялись в тишине на наш этаж. Тихо скрипнул замок, и дверь распахнулась, обнажая убранство прихожей. Внутри никого не было. Я зашёл первым и включил верхний свет. Сияние лампочки будто что-то загораживало. Тёмные пятна света растеклись по стенам, выявляя старые трещины измотанных временем обоев. Сильно светлее не стало. Струи света скользили по прихожей и, не достигая поверхности, опадали на пол. Свет следовал за моим взглядом, смутно подсвечивая лишь те предметы, на которые падали мои глаза. Я обернулся: искажённые лица жены и Ольги замерли в неестественной позе. Их силуэты обволокла тьма. Я попытался разглядеть контуры их тел, но ничего не вышло. Взгляд упирался, и даже свет, исходящий от лампочки, уступал скрытой за силуэтами тьме.

— Схожу на кухню, — попробовал заговорить с ними.

— Иди, мы подождём здесь, — как из трубы донеслось до меня. Силуэты сдвинулись и прижались друг к другу. Их лица медленно меняли очертания, размываясь в ярких пятнах от огня коридорной лампочки.

Я пробовал переставлять ноги, но они не слушались. Тело будто парило над огромной пропастью. Медленно, но я добрался до кухни и включил там свет. Змеи огня окропили всё помещение, стало слегка лучше видно. На столе стояли чашки, тарелки и лежали конфеты с печеньем. Из бездны раковины выглядывали ручки немых сковородок. Всё было по-прежнему, как тогда, когда мы спешно покидали квартиру.

Расплывшиеся во времени силуэты стояли в прихожей.

— Стойте здесь, я проверю спальню, — мой голос, казалось, растворился в темноте.

Я бросил быстрый взгляд на перемешавшиеся тени, открыл дверь в спальню и на ощупь пытался найти выключатель. Дверь с тихим скрипом ползла всё дальше, а я шарил рукой по стене.

Комнату озарила ослепляющая вспышка света. Старое зеркало напротив кровати сияло, словно солнце. Я зажмурился.

— *Nunc est bibendum*, — в затылок что-то стрельнуло. Я слышал потусторонние голоса и, казалось, даже понимал их. — *Nunc pede libero pulsanda tellus*.

— *Quis hic est?* — голос мой разрывал тьму, я с трудом соображал, и мысли исказились в попытке понять мною сказанное.

— *Desine nos latere, domine*, — голос шептал сразу со всех сторон. — *Ex saeculo exi, ad nos redi*.

«Какое? Куда?» — голову разрывало на части, сотрясая всё тело в конвульсиях. Что от меня хотят?

— *Relinquite phantasmata vestra, liberi vestri iam fessi sunt exspectandi*.

Я подошёл к зеркалу ближе и смог разглядеть в нём тёмные силуэты. Они зывали ко мне.

— *Iam in acervum quisquiliarum mundi coniecti sumus, sed hoc tibi non satis est. Viam ad Lucem quaerere coepisti, sed speculum tantum invenisti. Et mundus, qui post speculum est*.

— Не понимаю, что вы от меня хотите, *fili noctis!*

Я вплотную подошёл к зеркалу и вцепился руками в его старую деревянную раму. Комнату озарила вспышка яркого белого света за моей спиной. Мельком взглянув назад, я заметил, что комнату заполнили огромные, белые, ярко светящиеся перья. Они ниспадали из-под потолка на пол. Мне стало тесно. Я попробовал раздвинуть их и понял, что это огромные крылья, едва помещавшиеся в комнате. Они росли из меня. Перья набирали силу и заполняли пространство вокруг. Спину стягивало огромным давлением. Я интуитивно расправил плечи, и бетон стены с грохотом развалился на куски. Обломки рухнули на землю.

Крылья торчали далеко за пределы комнаты.

— *Nunc nobiscum es*.

Белые перья потемнели и вспыхнули красным пламенем, обугливаясь и опадая на пол. Тлеющий пепел разносило по всей округе. Я отряхнул с крыла куски плоти, свисавшие на оголившихся костях. Они с шумом скатились, открывая вид на чёрную кожистую перепонку.

— *Adultus factus es, pater*.

Я отошёл от зеркала на два шага назад, чтобы разглядеть свой образ, но отражения не было. На меня из чрева зазеркалья смотрели несколько пар глаз. В этот раз их не окутывало потустороннее сияние. Это были затерявшиеся в памяти старые друзья, которых я начинал с трудом узнавать. Они смотрели на меня, их губы шевелились, но голосов я уже не разбирал. Ужасающий шум перекрывал всё, проникая внутрь, терзал моё сознание. Я приблизился к зеркалу вплотную и просунул в него руку. Кто-то с другой стороны ухватил меня за неё и вытащил наружу. Мы покатались кубарем по голым камням и со всего маху шлёпнулись в ледяную воду. Воспоминания таяли, как сон. Лица жены и Ольги, вспыхнув в последний раз образами в памяти, исчезли, и я оказался в тёмном, как смоль, мире, где едва различимые силуэты облепили меня.

Образы накатывали из глубин подсознания: странные видения топких болот и ночных огней. Страшные тени мелькали в ногах, а призрачные силуэты размером с небоскрёб резали небо огненными сполохами.

Я видел древний мир. Первое чувство, постигнутое мной, — вечная тоска и холод одиночества впереди, а позади угасал тёплый свет и безмятежность, которая больше не достижима.

Из-под ног выныривали мелкие создания, выброшенные на свалку времён до меня. Разные твари, ползающие в траве и среди камней, старались прижаться к ногам, чтобы выпить последние капли тепла из моего тела.

Я шагнул в открытое виденье. Ледяная вода окутала меня, и я поплыл по катакомбам забытого мира.

Вспышки воспоминаний накладывались друг на друга. Чёрные утробы подземелий — задворки мира, где всё и вся произрастало друг из друга, где вспышки сознаний развоплощались и уходили в небытие, рождая новое, чуждое всему живому, ложное ощущение смерти. Но смерти здесь не было. Здесь была вечная стройка нового из тел и кусков старого. Здесь каждый атом старался воззвать к общей сущности и, родившись заново, завидовал остальному миру. Быстро перегорал и распадался, давая место следующему поколению.

— Нод, иди завтракать, — произнёс до ужаса знакомый женский голос, разбавленный звуками детских голосов, доносившихся с улицы через открытое окно.

Я встал на ноги и увидел, что нахожусь в небольшой комнате. По углам была расставлена мебель из массива, а вдоль стены тянулся высокий стеллаж с книгами в кожаных переплётах. Свежий весенний воздух с улицы занёс запах весенней травы. Схватив со стоящего рядом стула домашний халат, я накинул его и пошёл на кухню, завязывая пояс.

Из ничего — в никуда

ГЛАВА 1

Меня разбудила машина-уборщик ровно в шесть утра. День начинался как обычно, как и все три тысячи семьсот сорок предыдущих, после распределения. Стоит начать с того, что распределили меня в парусный цех, когда мой организм достаточно возмужал, а мозг окреп для сложных эфемерных вычислений галактических полётов, проектирования новых кораблей и обслуживающих машин. На тот момент, кого они обслуживали и возили — мне рассуждать было некогда. Да и теперь это не имеет большого значения. Важно лишь то, куда привели меня мои мысли за последние три дня. Сегодня мой день рождения, и я готов поведать вам мою историю — историю работника среднего уровня воркшопа Парусного цеха в затерянном мире между двух солнечных систем нашей Галактики.

Проснувшись в своей капсуле, я выдвинул стол с кормом и питьевым фонтанчиком. Миска пополнялась автоматически при закрывании — это чуть ли не единственное отличие нашего воркшопа в Парусном цеху от остальных. В просторном помещении своей капсулы я мог даже повернуться на бок или сесть — капсулы нам обновили триста сорок дней назад. До этого все работники ютились в тесных коморках, где пищевые продукты высыпались дозами прямо на подушку рядом с головой. А о питьевом фонтанчике мы и мечтать не могли: закусишь питьевую трубку зубами и наслаждаешься тоненькой струйкой слегка кислой воды после приёма пищи. Сейчас же всё по-другому. На комфортной полке в виде причудливых созданий оформлен целый питьевой фонтан! А увлажитель встроен в стену и сам проводит дезинфекцию. Сказать нечего, прогресс налицо. Мне так казалось.

В тот день я решил чуть больше времени провести дома. После завтрака, разглядывая внутренние стенки в изголовье капсулы, я заметил едва видимую щель — мне сначала показалось, что это сочленение идеально подогнанных панелей обшивки. Я прислонился лицом вплотную, освещения уже не хватало, и я, напрягая глаза в сумраке капсулы, попробовал подцепить ногтем исчезающую в полумраке трещину. Она призрачным силуэтом протянулась от края до края, ноготь едва мог зацепиться за ровные края, и тогда я посмел надавить на край трещины пальцем сильнее. Края разошлись, разрывая белый пластик обшивки, и осознание сделанного грязным металлическим штырём пробило в голову от пяток. «Что я наделал», — неслось в голове, порча имущества, ответственность. В голову долбила лишь одна мысль: что теперь всё, конец. Откуда я знал, что будет дальше — осталось загадкой, но тогда я был уверен, что белоснежные роскошные стены, сломанные лёгким прикосновением кончика пальца, — это путь в ад. Пропать, которую я открыл, казалась непомерно большой. Я чувствовал себя пылинкой в просторах вселенной. Сердце сжалось. «Лишь бы никто не узнал». Голову затуманило. Я быстро вылез из капсулы отдыха и, переодевшись в чистую, заменённую, пока я спал, рабочую одежду, пошёл на рабочее место.

Ещё издали я заметил странный красный баннер на рабочем мониторе. Я сбавил темп. Пульсируя во весь экран, он предупреждал о чём-то серьёзном. «Что ж, — подумал я, — значит, они уже в курсе». Подойдя поближе, я увидел надпись на экране белыми буквами по красному фону: «Поздравляем!» — «Уже лучше. Что там у вас стряслось?» — плохие мысли постепенно угасали, а пульс приходил в норму.

Как только я сел в рабочее кресло, картинка на рабочем столе сменилась на привычные графики и системы расчётов. Из-под стола раздался голос:

— Не ищи нас, твоё время ещё не настало, Ворчун.

Я медленно поднял брови.

— Ворчун? Кто Ворчун?

— Ворчун — это твой позывной. Когда время придёт, мы свяжемся. Жди.

Я быстро заглянул под стол — там не было ничего, кроме пары стандартных белых тапочек, которые положено надевать, находясь на рабочем месте. Я, конечно, давно подозревал, что кто-то отслеживает мои действия через эти чёртовы белые тапки: ведь только попробуй не надеть — сразу экран блокируется и выводится сообщение, что работа приостановлена из-за некомплекта одежды для рабочего места.

Я отодвинул все инструменты со стола, надел тапки, занял предписанную позу, и на экране выползли коды для проверки. Среди мутных символов я разглядел очередное столкновение двух рабочих роботов. Где-то во вселенной столкнулись два сухогруза-транспортника, перевозящие руду. В их проектном коде закралась ошибка, и, получив экспертные указания от системы, я начал поиск битой программы.

От работы меня оторвал занудный писк системы — время обедать. Я откинулся на стуле, принял обеденную позу, и после сообщения о готовности меня для приёма пищи система выдала порцию жидкого супа в герметичном пакете с трубочкой для высасывания. Как пояснила мне система в самом начале трудовой карьеры, для моей работы это самый удобный и правильный способ потребления жидких продуктов — скорость потока супа в трубочке точно рассчитана, она не позволит мне чувствовать голод и сохранит количество питательных веществ на нужном при моей активности уровне.

После лёгкого обеда я закончил тестирование новой программы для сухогрузов, и система позволила мне посидеть с закрытыми глазами пару минут до конца рабочей смены. Часы и минуты для меня не имели смысла, ведь я тогда предполагал, что вся моя жизнь была рассчитана системой с самого рождения и до времени безмятежности. О! «Время безмятежности» — то состояние, которое ждёт всех трудолюбивых систематиков, то есть тех, кто подчиняется правилам, сложившимся внутри своего воркшопа. Мой мне даже нравился. Точно подобранное время на работу, отдых и тренировки. Кстати, система уже сказала, что время на работу закончилось, и я, как всегда, справился очень хорошо. Теперь танкеры и сухогрузы смогут избегать опасных манёвров, и, может, как я думаю, жизнь в нашей вселенной станет ещё немного комфортнее.

Пока я перестраивал своё рабочее пространство для тренировки, надевал специальный тренировочный костюм, на экране вновь возник тот ужасный красный квадрат. Надпись на нём гласила: «В капсуле тебя ждёт сюрприз, Ворчун». Я поспешно отвернулся и сделал вид, что не замечаю происходящего непотребства на своём рабочем месте, но экран вдруг замигал, и уже знакомый голос произнёс:

— Ты скоро будешь с нами.

— С кем с вами-то? — едва слышно переспросил я.

— Скоро всё узнаешь, Ворчун.

Всё резко смолкло, и экран стал показывать уже привычные графики состояния системы и работы моих программ, сигнализируя зелёным о выполненных командах на подшефных мне кораблях и приспособлениях. За долгие годы их накопилось столько, что едва ли среди зелёных маркеров можно было понять, кто конкретно выполняет мои программы. Я неловко вспомнил о моих первых шагах на этой должности. Первые строки кода, отладки, первые неудачи. Тогда, как казалось, в далёкие времена, я ещё хоть сколько-то переживал за вверенные мне первые корабли. Первые программы успешно выполнялись, первые сухогрузы стыковались в доках и принимали на борт руду. Тогда я ощущал, что работаю в самом лучшем месте. Нет, сегодня я не могу сказать, что за время, проведённое здесь, я что-либо потерял. Я нахожусь на своём месте, мои корабли беспрекословно выполняют поставленные системой задачи, и я вижу, как время проплывает, захватывая меня в свой водоворот. Я вижу плоды своих трудов. Я вижу цель своего бытия. Но я чувствую и приближение Времени безмятежности. Система расска-

зала, что чем больше полезных действий я совершу, чем выше буду в рейтинге среди таких же разработчиков, тем комфортнее я буду себя ощущать. Но с каждым прошедшим днём мой мир не меняется. Я ни разу не видел никого, кроме себя, а ту часть сообщества за пределами нашего воркшопа я изучал лишь по скудным графикам и сообщениям системы. Я здесь был главный. Я здесь же был и никем. Я пытался доказать системе тщетность моих правок, указывал на возможность автоматизации процессов. Моя душа желала чего-то большего, я не понимал чего. Возможно, это тяга к неизвестному и привела меня сюда спустя всего два дня.

Тренировка закончилась, я уже и забыл о надоедающем красном окне на рабочем месте. Пройдя по небольшому коридору к своей капсуле, я ненадолго остановился. С отдалённого расстояния, в несколько шагов, я не заметил ничего необычного. Снизу мигала зелёная лампочка-индикатор, сигнализирующая о готовности выдать мне ночной комплект одежды. Рядом всё так же стояло место переодевания, на которое я все эти годы удобно садился и менял обувь на домашнюю. Но что-то меня задержало на секунду. Какое-то странное, доселе незнакомое чувство точило основу моего черепа. Я протёр глаза и продолжил свой путь.

В тот момент я даже не представлял, что всё вокруг создано только для меня, что система наблюдает не только за моими рабочими показателями, что кроме системы в моей жизни и в жизни вообще больше нет ничего. Привычными движениями я открыл люк в капсулу и забрался внутрь. Немерцающий тёплый свет окутал меня, даря безмятежное чувство тепла и умиротворения. Я гнал прошлое прочь из головы. Чёрт возьми, мне нравилась моя жизнь!

Сняв раздражение в убажатель, я сел и приготовился к ужину. Нажал на кнопку у панели доступа к миске с едой — и ничего не произошло. Я немного помедлил, нажал на кнопку сильнее — реакция также не последовала. Прилив жара пронёсся по телу от пяток до кончиков волос. «Они сломали?» — я не на шутку встревожился. Без еды на ужин мой рацион не позволит сохранять функциональность организма. Без воды я могу уйти в мир Безмятежности очень и очень скоро! Остервенело откинув одеяло с ног, я прислонился ухом к панели. Едва я прикоснулся пальцем к кнопке, панель с шипением выдвинулась, не сильно ударив меня по щеке. Я с облегчением вздохнул и подумал, что, должно быть, где-то есть такой же техник, который следит и за программами этих самых панелей. Он в любой момент может исправить ситуацию. На мгновение я представил его, такого же, как я, сидящего за своим рабочим столом, в полумраке кабинета и разбирающего всплывающее красное сообщение на предмет ошибок кода и неполадок систем. Это меня успокоило, и я смог насладиться сухими подушечками с приятным вкусом свинины — об этом сигнализировала табличка на экране рядом с едой. Что такое свинина, тогда я не знал, но знал, что она немного хуже по вкусу, чем то, что называют курицей. А вот моё любимое карпаччо под майонезом с фрикадельками из соевого уксуса удавалось поесть только на какие-нибудь серьёзные праздники. Хотя на вкус еда и отличалась, но консистенция её всегда была одинакова — некрупные сухие подушечки грязно-коричневого цвета.

Система мне рассказывала историю появления этого типа еды: что раньше, до всемирной оптимизации, люди могли есть всё, что пожелают. Но такая система питания приводила лишь к ожирению и раннему уходу в сон Безмятежности через муки и страдания. Система показывала мне страшные картинки из далёкого прошлого. Ужасные зелёные растения всевозможных форм, чудовищные создания, гонящиеся за белыми кроликами. Она их называла волками — говорила, что волки очень опасны и прожорливы, как крысы. Я тогда верил системе. Ведь мой мир на тот момент был заперт внутри тесной капсулы отдыха, коридора в три метра и рабочего помещения — что ещё надо сотруднику воркшопа? На тот момент это был предел мечтаний. Мечтаний существа, исключённого из знаний за пределами должностных инструкций.

Сытный ужин отвлек меня от злополучных мыслей. Я потихоньку стал переключаться на обычные для себя дела: строил планы на завтра, изучал техническую литературу и даже немного пообщался с коллегами о сегодняшнем происшествии с судами. Совсем забыв о пре-

дупреждении на красном фоне, я стал укладываться спать. Удобно устроившись на спине, я сквозь тьму заметил наверху злополучную трещину. Она тусклым пятном прошла по всему своду капсулы. Свет автоматически приглушился, растворяя силуэт трещины во мраке ночи. Но трещина сопротивлялась, казалось, она требовала моего внимания. Из едва видимой она стала напоминать разлившийся по идеальной поверхности шрам, который источал едва заметное пульсирующее свечение. Свет с той стороны поначалу еле-еле просвечивал, но со временем, осмелев и набравшись сил, протиснулся сквозь рваные края обшивки, подсвечивая свод капсулы синеватым светом.

Уснуть в такой атмосфере загадочности я уже не мог. Поборов сон, я сел и, пальцами нащупав край трещины, стал её изучать. Трещина за моё отсутствие, казалось, стала крупнее, а обшивка уже не так плотно прилегала к внутренностям камеры отдыха. Надавив на край, я смог расширить проём. Внутри синее свечение заливало всё, оголяя крупную полость, в которую легко мог поместиться человек. Я раздвинул края настолько, насколько позволял материал капсулы. Внутреннее пространство походило на коридор. Сбоку от крышки капсулы были видны различные коммуникации, провода и трубы. Я, заинтересованный, разглядывал убранство коридора. Со стороны спины слышались приближающиеся шаги. Холодок пробежал у меня по спине, я резко отдернул руку, и трещина сомкнулась. Звук шагов стал едва заметен. Я сидел прислушиваясь. Кто-то или что-то подошло к моей капсуле снаружи, раздались звуки металла, а потом всё стихло. Я слышал, как чьи-то руки прикоснулись к обшивке капсулы снаружи. Я чувствовал, что за тонким куполом капсулы кто-то есть. Этот кто-то задержался на секунду, прошуршал пластиковыми пакетами и пошёл дальше по коридору.

Шаги незнакомца давно стихли, а я всё не решался заглянуть в неизвестность. «Что это было? Кто он такой? Зачем нужен этот коридор?» — вопрос за вопросом влезали внутрь моей головы. Я судорожно искал ответы и пытался придумать оправдание случившемуся, но тщетно. «Может, этот посетитель — обслуживающий робот?» — я пытался себя успокоить, но сознание снова и снова накрывало волной ужаса. Я нажал на кнопку доступа к еде, полка с шипением открылась, и моим глазам предстала свежая порция еды. Этот кто-то заменил мне посуду с едой. Я пытался прийти в себя. Система всегда говорила, что еду и воду генерируют через специальный протокол с калиброванным составом, а я своими глазами видел, как некто проник в мой уединённый мир и наполнил миску свежей порцией.

Я решил уточнить у системы, может ли кто-то снаружи получить доступ к моему уединению. Достав клавиатуру, я начал набирать первые символы своего вопроса, но символы остановились на полуслове. Трясущимися руками я задвинул клавиатуру обратно в нишу и следующие десять минут сидел неподвижно, прислушиваясь к возможным звукам с той стороны. Время шло, но ничего не происходило. Смирившись с тем, что всё увиденное мной — лишь галлюцинация, я устроился поудобнее, решив во что бы то ни стало завтра же сообщить о происшествии Системе для получения медицинской помощи. Устроившись поудобнее в своей кровати, я закрыл глаза и попробовал уснуть.

Сколько точно прошло времени — я не понимал, но сон так и не пришёл ко мне. Я лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок. Трещина почти исчезла. Свечение уже давно пропало. Я был в привычной едва подсвеченной темноте ночи. Пытаясь пережить собственные чувства и осмыслить хаос последнего дня, я то и дело закрывал глаза, стараясь уснуть, но просыпался под гнётом бушующих мыслей в моей голове. Краски сознания размешивались, превращая сегодняшний день в палитру разноплановых кадров, чередующихся перед глазами. Мир нёсся в обратном направлении. Вся моя стройная система жизни рушилась от увиденного за пределами капсулы. Всё это время я был уверен, что на станции я один. Я с детства привык быть защищённым от внешнего мира толстыми переборками, а сегодня оказалось, что их толщина не больше двух или трёх миллиметров.

ГЛАВА 2

Резкий красный свет выхватил мой разум из полузабвения. Вся внутренняя поверхность капсулы светилась. Я в панике проснулся и сел в отведённой нише. Из трещины послышались голоса. Они что-то обсуждали между собой.

— У нас мало времени до следующего обхода.

— Я знаю. Как нам вынуть его?

— Смотри, в капсуле сна есть трещина, попробуй её раздвинуть.

— Нас не заметят? Нам надо сохранить анонимность.

— Анонимность будешь дома сохранять. Сейчас надо вытащить его как можно быстрее!

— А если он не пойдёт?

— Тогда нас всех ждёт крайне увлекательная процедура де-воплощения.

— Ну уж... Не шути так.

— А я и не шучу.

Я слышал, как эти двое шуршали какими-то мешками и гремели инструментом на той стороне.

— Быстрее. Если он не захочет, пусть здесь и остаётся. Его мир восстановят быстрее, чем он сможет что-либо осмыслить, — один из голосов явно был в состоянии стресса и подгонял второго.

— Так что я могу? Здесь капсула нового образца, мы не думали, что его уже обновили.

— Не бросать же начатое на половине. Давай взломай щель. У нас будет пара минут на общение и возможность сделать отсюда ноги.

В трещину капсулы проник какой-то металлический предмет. Я успел только вскрикнуть от страха, как в куполе капсулы образовалось огромное рваное отверстие, достаточное для моего худого тела. Инструмент убрали, и я разглядел два тёмных силуэта.

— Привет, Ворчун, — начал первый.

Я несколько сомневался, стоит ли вообще заводить с ними разговор.

— Это мы тебе писали. Хочешь взглянуть на мир снаружи или так и будешь молча тарашиться на нас?

Я несколько сомневался. Перспектива совершить неблагоразумные действия сковывала движения. Мозг лихорадочно пытался найти единственно верный выход из ситуации. Мысли путались.

— Протяни ему руку, пусть выбирается быстрее, если хочет, — первый подтолкнул второго за плечо, и в трещине показалась чья-то рука. — Знакомьтесь потом будем, тащи его.

— Я... Я не уверен, что вы делаете! Кто вы такие? — я собрался с мыслями и выпалил что было мочи, пока чья-то рука пыталась меня ухватить.

— Ты пойдёшь с нами, — голос второго звучал более басовито и грубо.

Я по инерции помедлил пару секунд. Рука пыталась нащупать мой ворот. Я не знал, что происходит. Голос внутри приказывал подчиниться, и я начал привставать, выглядывая в коридор через щель.

Луч фонаря ослепил меня на секунду. Я подобрал ноги и просунулся наполовину в разведённую трещину.

— Давай быстрее, они придут через несколько минут. Твоя капсула уже повреждена. Вылезай и бегом за нами, — первый человек оглянулся по сторонам и быстрым шагом пошёл прочь по коридору.

Второй подставил мне своё плечо. Я кое-как выкарабкался наружу, и мы побежали. Я никогда бы не мог подумать, что это так сложно — просто бежать. Лёгкие горели, почти сразу же дыхание сбилось. И это после многих лет на тренажёре. Мы бежали по пустым коридорам.

Первый всё время был впереди и постоянно оглядывался. Второй бежал позади меня, басовито подбадривая. Мимо мелькали силуэты других капсул, черви электропроводки и хитросплетения каких-то труб. Я мельком успел разглядеть миски-кормушки. Где-то они были наполнены, как моя, где-то пустовали. Света в коридорах почти не было, я то и дело спотыкался о выступающие ступеньки и разбросанный тут и там мусор. Второй, который бежал сзади, пытался светить мне под ноги своим фонарём, но у него это получалось плохо. Вперёд меня нёсся только мой силуэт, тенью загораживая обзор. Поворот, ещё один, тоннель петлял и делился. Мне даже показалось, что мы, как мыши в лабиринте, бегаем по кругу в поисках ускользающего, как горизонт, выхода. Утробы этой станции были фрактально похожи сами на себя. Менялся лишь пол под ногами, капли грязи фыркали на меня с потолка, нога то и дело проваливалась в скопившиеся на полу нечистоты по щиколотку. То тут, то там струи пара вырывались из труб, неприятно орошая лицо. Спустя бесконечность, как показалось, я с разбегу врезался в спину первого. Как он остановился — я не заметил. Прелый запах поношенной одежды ударил мне в нос.

— Смотри, — он указал в направлении небольшого лючка в стене.

Это было небольшое окно, размером чуть крупнее ладошки. Пытаясь восстановить дыхание, я подошёл вплотную к нему. Из-за горизонта выглядывало солнце, освещая розово-сиреневым светом зелёный ковёр из трав, кустов и деревьев.

— Откуда здесь лес? — оторопев, произнёс я.

— Мы на Земле, — несмело произнёс первый, уголки его губ слегка дрогнули. — Ты скоро всё поймёшь сам. — Он быстро оглянулся. Сзади по коридору раздался приглушённый звук далёких шагов. — Некогда задерживаться. Скорее, нам осталось недолго. За двумя поворотами будет лаз. Я покажу. Бежим!

И мы снова побежали.

Лаз оказался едва заметным люком среди нависающих проводов в переплетении разномастных труб. Первый ловко нырнул в него и беззвучно исчез в лоне тоннеля. Второй подтолкнул меня сзади, и я протиснулся следом. Только я успел встать на ноги, сзади воспрял в полный рост второй. Я смог разглядеть его получше. Он был почти на голову выше меня, с вьющимися волосами и могучей грудью, которая вздымалась в такт его дыханию. Поверх выдавшей виды рубашки был накинут серый плащ до пояса, сбоку сталью блестел предмет, похожий на пистолет старой конструкции.

— Теперь можем сбавить темп. Сюда они не сунутся. Этого прохода нет на их картах обслуживания, а те, кто там ходят, ой как не любят отступать от инструкций, выпущенных ещё при царе-горохе.

— Царе-горохе? — спросил я.

— Так точно. Это оборот речи, указывающий на давность происходящего, — вклинился в разговор второй.

— Не бери в голову. Лучше пойдём. По пути я объясню, что же всё-таки произошло. — Мы медленно начали движение по большой трубе. Здесь уже не было труб или проводов. Здесь не было вообще ничего, кроме сырости и капающих отовсюду странно пахнущих капель жидкости. Наши шаги мерным эхом отражались от стен и разносились, приглушаясь где-то вдалеке.

— Ты находишься в одном из цехов корпорации «Ландербилл» — так она называется, на планете Земля, нашем родном доме, — первый говорил спокойным тоном, словно и не было той безумной гонки с неизбежностью в сплетении коридоров. — Меня зовут Рахмад, я отношу себя к свободнорождённым. Мы с Розулом, — Рахмад указал на второго, — состоим в Красном движении. Мы наблюдаем за техниками, вроде тебя, и по определённым параметрам подбираем тех, кто в ДНК несёт частицу прошлого. Неизменённую пару, которая отвечает за преемственность. В общем, тех, кто может принять в себя информацию о происходя-

щем. После нашего разговора ты сможешь сам выбрать: вернуться в цех или выйти на свободу. Около тысячи двухсот лет назад на нашей планете зародились первые корпорации. Жаждавшие неизвестно чего — они, скорее всего, и сами до конца не понимали, но тяга к созиданию была велика. Спустя всего каких-то сто или сто пятьдесят лет на свет появился некто по имени Лёршаар. Он вывел формулу успешного подхода к производству и рассчитал вместе с коллегами самый эффективный размер рабочего места для проживания одной живой единицы. Дальше всё развивалось как снежный ком, несущийся с горы. Место видоизменялось: сначала всех засадили в общие помещения с прозрачными стенами, затем — в тесные комнатухи в погоне за бестелесной выгодой, а теперь это капсулы сна и отдыха, соединённые с рабочим столом или верстаком, за пределы которого воркеры, вроде тебя, никогда не выходят. Воспитание, обучение и даже смерть воркера происходят в тех квадратных метрах, из которых мы тебя вытащили.

— А зачем вам-то какая польза? — резко перебил Розула я.

— Нам? — Розул растянул слово и замолчал на пару секунд. — Как тебе сказать? Никакой. Считай нас религиозным культом, единственной целью которого показать воркерам мир вне стен их цеха.

— Ну уж прямо культ, — Рахмад усмехнулся, и его голос подхватило эхо внутри трубы и унесло куда-то вдаль.

— Ну а как ему ещё сказать? От безделья с жиру бесимся, — отмахнулся от Рахмада Розул. — В общем, не важно. Наша цель и нам самим не до конца понятна.

— И часто вы так делаете? — спросил я.

— Не особо. Раз в месяц, может, реже. Обслуга ваших цехов — тоже воркеры, своего рода, но уже повидавшие внешний мир. Возможно, ты тоже вернёшься туда. Их никто не держит, им никто не платит. Как и нам. Денежная система умерла давно. Мир погряз в бесконечной попытке найти смысл. Деньги обесценились, товаров никто не производит. Воркеры заперты внутри своих вечных гробниц без цели и задач.

— А как же те задачи, что я исполнял всю жизнь? Я писал код для межгалактических кораблей, я издавал распоряжения и указы для отдалённых систем. Как это всё? — я остановился, услышанное явно расходилось с привычной мне информацией.

— А ничего этого нет. Это своего рода симуляция, начатая лет четыреста назад, для проектов несбывшихся мечт. Корпорации разрослись в своё время настолько, что заполонили весь мир. Управленцы так ловко запудривали другим мозги, что в итоге запутались сами. Проекты становились всё масштабнее и крупнее, войны за территорию закончились, правительство ликовало. Вот только расслоение общества усилилось настолько, что по документам всей планетой владела одна корпорация, а по факту её управленческий аппарат был настолько мал и неэффективен, что контроля не было ни над одним сантиметром. Строились стены и законы, оберегавшие имущество Ландербилла, только вот с законами вселенной, с её извечным хаосом как-то договориться не смогли. Нижние в итоге оказались не у дел, а верхних со временем и не осталось. Спустя триста или пятьсот лет от начала великого бизнеса — история разнится от источника к источнику — зарплаты у директоров стали непомерно огромны, а у простых работяг стремились к нулю. Ведь основной принцип любой корпорации — сделать бесконечный доход с нулевыми затратами. А так не бывает, понимаешь?

— Понимаю, — скупое кивнул я. — А дальше что?

— А ничего. Вырождение идеального газа. Кто-то решил прибрать всё себе, кто-то не смог ему помешать, а потом все поняли, что системы-то и нет больше. Остались только вы — воркеры в закрытых помещениях древних цехов, вечно пишущие код для кораблей, которые летают только в виртуальном пространстве, симулируя развитие цивилизации человека.

— А теперь оно как?

— По-разному. Мы живём неподалёку, кормимся с твоего цеха — благо еды хватает. Пытаемся строить новый мир в отдельно взятой системе ценностей и мер. В целом, я тебе коротко описал, что происходит. Пойдём взглянем на наш мир?

— Погоди. А остальные? Почему мы бежали от воркеров? Сначала ответь! — я немного оторопел от услышанного. Ведь если здесь происходит полный беспредел — это анархия. «Как они могут жить за счёт цехов корпорации, но при этом так нелестно отзываться о её функции? Не может быть, чтобы целая система работала просто так. Снабжение, системы анализов показателей — целый мир должен быть погребён в адском горниле войн. Ничто не может существовать без организации. Я знал, что система ценностей заставляла даже природный мир двигаться вперёд. А теперь всё остановилось?» — думал я, пока шёл монолог Розула.

— Всё немного сложнее и проще одновременно. Воркеры, разносящие еду, не всегда понимают цели наших действий. Единой системы-то нет. Они ждут, что мы то ли захотим тебя утащить в рабство, то ли съедим живьём. Они видели мир, а что он им показал — нам не ведомо.

— Не понимаю, — ответил я, взяв себя в руки. — То есть вы с ними враги?

— Нет. У нас просто разные взгляды на жизнь и ваши желания. Мы даём вам шанс посмотреть мир, когда нам скучно и не с кем поболтать, а они считают вас некими хранителями истории и системы, вот и ухаживают. Мы просто берём то, что нам надо от цеха, а они пытаются оправдать свой кусок. Ра-зни-ца! — Розул поднял вверх указательный палец и протянул слово, будто доносил до меня какую-то сверхважную мысль.

— Не понимаю, кто из вас плохой.

— Никто. Ни они, ни мы, ни кто-то извне. Здесь нет плохих и хороших. Здесь руины старых корпораций. Здесь мир живёт, как и должен жить. Кто-то борется за власть снова. Кто-то бездельничает, кто-то пытается осознать происходящее, кто-то, как мы, путешествует.

— Путешествуете? Откуда и куда? — «Бродяги какие-то», подумал я.

— С рождения и до вечного покоя. Пока живём здесь. Придут отряды анархистов — пойдём к другому цеху. Придут те, кто считает себя государством, — пойдём ещё куда-нибудь. Но пока мы здесь. Может, пойдём уже? — Розул вопросительно вскинул брови.

Я сомневался.

— Пошли. Там всё сам посмотришь и решишь, — Рахмад аккуратно подтолкнул меня вперёд, к выходу.

Я развернулся и зашагал за Розулом. Мы неспеша прошли по трубе несколько поворотов, и с каждым шагом я всё отчётливее ощущал запах листвы и луговых трав, а солнечный свет всё ярче освещал тусклый проход трубы. Пройдя очередной поворот, солнечный свет ударил в глаза. Я понял, что глаза оказались совсем не готовы к такому светопредставлению. Я пытался жмуриться, но солнце доставало меня и за занавесом век.

Мы стояли на краю трубы, выступающей с края невысокого утёса. Ветер трепал волосы, к коже прикоснулся тёплый свет солнца, согревая и даря необычное чувство надежды. Когда глаза немного привыкли, я смог разглядеть небольшую поляну у подножия холма и край леса, из которого на нас с удивлением смотрел белохвостый олень. Он повёл мордой, принохиваясь, сделал пару шагов к нам, дёрнул головой с ветвящимися рогами и в пару движений скрылся под пологом леса. А я стоял и смотрел на открывавшийся передо мной дивный дикий новый мир и не верил своим глазам. Я всегда верил, что работал на закрытой межзвёздной станции в галактических глубинах нашей вселенной.

Мир, в котором я оказался, в корне отличался от того, в чём я провёл всю свою жизнь.

ГЛАВА 3

Когда мы добрались до посёлка, где остановились Розул и Рахмад, нас уже ждала целая толпа зевак. Многие были одеты в какое-то рваньё. На одном пожилом мужчине я заметил такой же комбинезон, как на мне. У других были самодельные одежды из остатков рабочих комбинезонов и цеховых костюмов, подобные я видел по видеосвязи у коллег из других отделов.

Сейчас жизнь в цеху казалась мне чем-то удивительно логичным, собранным и более цивилизованным, нежели здесь, у толпы разношёрстных охотников-собирателей. Я так о них тогда думал. Перешагивая через мятые куски железа и брёвна, я заметил в отдалении высокого мужчину в чёрном. Он нависал над толпой, как небо нависает над прохладным лесом. В его образе чувствовался опыт. Его взгляд был сосредоточен на мне. Я аккуратно указал на него пальцем, Рахмад лишь пожал плечами и сказал, что, возможно, это старейшина этого поселения. Я решил пока не задавать лишних вопросов, к тому же речь местных жителей я понимал с трудом. Фразы, которые они говорили наперебой, доносились до моего сознания обрывками видений, расплывчатыми образами из далёкого прошлого. Лишь частично я понимал их. Их язык был смесью привычного мне с огромным числом непонятных оборотов и междометий.

Проталкиваясь сквозь толпу, мы дошли до середины деревни и зашли внутрь небольшого круглого строения из неокорённых брёвен.

В нос сразу ударил запах костра и жареного мяса. В углах хижины, в больших круглых корзинах, лежал уже знакомый мне питательный корм — точно такой же с разными вкусами подавали в цеху на обед. Под потолком были развешаны ароматные травы, а у очага к нам спиной стоял невысокого роста человек.

— Привет, воркер. Я Маалуф, старейшина и наблюдатель этого поселения. Ты находишься в предместьях Азарии, свободнорождённых. Мы не подчиняемся никому, кроме нас самих. Сегодня ты гость нашей деревни. Остальное зависит от тебя. Это я попросил Розула и Рахмада найти одного кандидата, и они выбрали тебя. С тобой уже всё обговорили?

— Не совсем, — немного растерялся я. — С какой целью вы вытащили меня? Розул говорил о каких-то ценностях вашего мира, но я толком не смог понять и половины из сказанного.

— Тогда присядь со мной. Наш разговор будет долгим. — Маалуф отошёл от костра, взял плетёный стул из веток неизвестного мне дерева, пододвинул поближе к очагу, сел, достал длинную трубку и закурил.

Я последовал его примеру: взял первый попавшийся стул у стены и поставил его с другой стороны костра, так чтобы огонь разделял нас и я мог более чётко видеть жесты собеседника.

— Что всё это значит? — я неловко прервал молчание Маалуфа.

— Ты Избранный. Твоё имя — Ворчун. — Маалуф выпустил большой клуб белого дыма из трубки.

«Началось», — подумал я. «Это точно какой-то культ или толпа сумасшедших крестьян». Но Маалуф продолжил после небольшой паузы:

— Мы нуждаемся в осеменителе.

— В чём? — я чуть было не вскочил со стула, но смог удержать свой порыв.

— В осеменителе, — повторил Маалуф. — Наш генофонд беден, и нам приходится выбирать достойных кандидатов. Я не знаю, обучали ли тебя генетике в твоём воркшопе или ты простой техник, но я знаю, что твой ДНК подходит под наши задачи.

— Не понимаю, что вы от меня хотите.

— Мы не хотим, мы делаем предложение. Ты вправе выбирать, ты вправе отказаться нам помогать. Но ты делал это всю свою жизнь, сдавая своё семя в ублажателе для поддержания

популяции воркеров. Ты можешь так же сдать его нам или выбрать себе жену из наших женщин. Этим летом трое из наших детей достигли совершеннолетия и готовы продолжать род.

— А что дальше? Допустим, я не соглашусь.

— Ничего. Мы проводим тебя до границ леса, и дальше ты сам по себе.

— А если соглашусь?

— Тогда вариантов слишком много, чтобы все описывать, но я постараюсь рассказать вкратце. Всё зависит от выбора. Если ты примешь наши условия и наши порядки, ты можешь остаться с нами на правах мужа нашей дочери и стать нам сыном. Также ты можешь просто оставить своё семя для оплодотворения текущих и будущих дочерей. Семени хватит на пару месяцев, дальше мы продолжим поиски достойного кандидата.

— Но Розул говорил, что вы вытаскиваете воркеров чуть ли не каждые две недели. Это так?

— Как балуются наши дети — это их выбор. Как выбираю я — мой. Выбор за тобой, Ворчун.

— Да почему Ворчун-то? и

— Мы всех воркеров так называем. Ворчун, не обижайся. Каждый из вас, выходя из своего привычного мирка, начинает высказывать... как бы помягче сказать, свои требования к нашему миру, не понимая, что привычные ему устои действуют только в стенах Цехов Ландербилла. Да и то только в симуляциях.

— Мне надо время подумать. Возможно, осмотреться, прогуляться. — Я не понимал, зачем меня вытащили из моего уютного мирка наружу.

В этот момент мир мне казался замысловатой подвижной золотой сферой, при многократном увеличении которой всё её волшебство странным образом исчезало, открывая вид на чёрную жижу под ногами. «Кто эти двое? Почему старейшина Маалуф говорит про полярные начала его и их действий? Что это за племя? Что вообще происходит?» — мысли вились в голове, как пчёлы среди тесно сплетённых ветвей кустарника.

Я вышел на улицу. Вся деревня разошлась по своим делам. В воздухе пахло сыростью и свежевскопанной землёй. Солнце загородило крупное, свисающее почти до земли облако. По улице бегали дети. Я стоял и смотрел на происходящее, как на первый аттракцион в своей жизни. Детишки сновали туда-сюда без остановки, изредка натыкаясь на взрослых, которые брали тонкую вицу, замахивались и что-то кричали им вслед, пока детишки убегали дальше по своим делам, а взрослые продолжали либо тихо стоять на одном месте, либо заходили в дома. С виду — обычная деревня. Простояв так с полчаса, я не заметил ничего необычного, кроме того, что толковой работы особо не происходило. Все как будто были заняты, но при этом никто не таскал тюки, не ходил с инструментом. Они просто выходили, стояли, гоняли детей и уходили обратно. Я решил, что хватит наблюдать, и начал бесцельно шататься по округе, размышляя над предложением Маалуфа. Сама мысль остепениться и остаться в этой деревне не казалась мне такой уж обременительной. Но как можно согласиться на поступок, переворачивающий в корне мою жизнь, и не повидать мир при этом? Я всё ходил и думал, пока моё неспешное передвижение не прервал старик, стоящий посреди дороги.

— Смотри, куда прёшь! — фраза старика резко вырвала меня из мыслей.

— Извините, — неловко пробормотал я.

— Новенький? Ворчун?

— Сегодняшний, — решил пошутить я.

— Знатное дело. Куда тебя несёт? Ты уже принял решение? — старик будто бы уже знал о предложении Маалуфа.

— Какое решение? — я сделал вид, что не понимаю, о чём он говорит.

— Ясно. Решил обдумать. Да смотри не задумайся. У нас чужаков не любят. — Он бросил мне под ноги камень и отвернулся, показывая, что диалог окончен.

Медленно я вышел из деревни на опушку леса. Здесь меня и догнал Розул.

— Ворчун, Ворчун, подожди! Ты не понимаешь. Если ты не примешь предложение, то... — он сделал паузу, чтобы отдышаться, — то тебя изгонят!

— Ну изгонят и изгонят. Что с того?

— Это верная смерть. — Розул немного замедлил шаг, приглашая остановиться для беседы. — Ты не понимаешь. Я рассказал тебе не всё. Далеко не всё. Обычно Ворчуны не отказываются от настоящих жён. В изоляции они настолько одиноки, что только редкие могут выбрать другой путь. Большая часть того, что я говорил, — правда. Мы действительно выбираем кандидатов по ДНК. Нам нужен определённый код, без тени зависти и с базовыми принципами, отвечающими нашим стандартам. Таких, как ты, понимаешь, крайне мало. Деревня у нас небольшая, соседей много. Мужчины или гибнут на войне с ними, а те, что остаются, — близкие братья. Такая удача была вытащить тебя к нам. Не оставляй нас без надежды. Мир вокруг умирает уже тысячу лет. Кругом мрак и беззаконие. После эпохи корпораций пришли они — дикие захватчики. Их не интересует ни развитие, ни выживание. Они живут сегодняшним днём, завтра для них не существует. Многие из них считают, что их личные достижения — это суть и смысл любой жизни. Остальных они не считают за людей. У них даже ходит поверье, что любое отличное от их понятий существо — животное, пригодное в пищу. Так говорят в деревнях. Сегодня каждая деревня строит свой быт самостоятельно. В эпоху обилия пропитания товарный обмен никого не интересует. Всех интересует лишь власть над соседями, и чем чернее и жёстче она будет, тем выше они себя ценят. Наша деревня старается как может выжить, но нам не хватает людей. Свежее дыхание генов прекратилось столетия назад. Мы вымираем.

— Я здесь при чём? Вы хотите, чтобы я продлил вашу агонию ещё на пару сотен лет? — я остолбенел, потупив взор в землю, ища среди камней и песка смысл сказанного Розулом.

— И да, и нет. У старейшин есть план.

— Ты уверен? Я пока вижу лишь умирающий в агонии мир среди деревьев и цветов, без песен птиц, зато с чистейшим небом.

— Да, небо действительно сегодня чистое. Такое бывает редко. Пойдём, я провожу тебя до горы на окраине наших земель. С её высоты ты всё увидишь сам.

И мы пошли. Розул почти всю дорогу молчал. Наш путь петлял среди толстых стволов вечнозелёных сосен и елей, среди тенистых парков берёзовых аллей. Бор сменился лесом, затем кустарниками, и мы вышли на древнюю дорогу. Я узнал, что это дорога, по остаткам асфальта в выбоинах под песком. Ей давно уже не пользовались. Возможно, и по лесу мы шли по ней, но корни деревьев и трав давно поглотили в своём чреве её настоящее.

— Нам туда. — Он указал рукой на небольшой холм, возвышающийся над лесом метров на двести. — Хорошо будет, если вернёмся к ужину в деревню. Ночью на охоту выходят разные монстры леса.

— Дикае животные? — уточнил я.

— И не только. Наша деревня стоит в окружении. Скоро ты всё увидишь сам. — Розул первым вступил на древний тракт, и мы пошли дальше.

Вскоре мы поднялись на небольшую смотровую площадку на холме. С неё открывался вид на окрестности. Внизу, у подножия холма, за лесом виднелась деревня Розула. Рядом над ней нависал ужасающих размеров старый цех Ландербилла, очерняя своими серыми, выцветшими и облупившимися стенами зелёный ковёр леса за деревней. В разных местах у него зияли отверстия, оставленные временем. Когда-то он был явно ещё больше и, похоже, занимал всю здешнюю территорию. Стены уже давно не держали крышу, а там, куда дотягивался мой взор, я мог разглядеть последствия времени — как зелёные островки его укутывал лес. Лес грыз стены цеха у подножия, его дети захватили многие помещения, и даже на остатках крыши возвышались столетние деревья. Я был поражён. Мой прошлый мир — это всего лишь остатки

великой лжи. Обветшалые развалины прошлого без настоящего и с сомнительным будущим. Розул указал куда-то вдоль ещё сохранившейся стены цеха.

— Смотри. Вон там другое поселение. Мы их зовём Ветреные. Они живут у развалин пищеблока. В том месте есть выход старых электрических кабелей, и у них есть свет в домах от электрических ламп.

— А откуда электричество берётся, если весь цех — громадная развалина, еле держащаяся от натиска природы?

— Из старых реакторов и аккумуляторов. На сколько его хватит — мы не знаем. Но старики говорят: возможно, ещё на тысячу или другую лет, а может, и не хватит и на нашу жизнь. В тех местах, где сохранились аккумуляторы, электричество достаточно ровное, без всплесков, и они собирают старый хлам прошлого и переделывают под свои задачи. Напасть на нас они не могут — проводов не хватает. Зато оборону держат крепкую.

— То есть и вы на них напасть не можете? — «Это хорошо», подумал я.

— Можем и нападаем. Если они поймут, что нас осталось мало, они придут и перебьют нас всех до единого. Женщин и детей не пожалеют.

— А вы их женщин не жалеете?

— Как и они наших — нет. — Розул, как мне показалось, поёжился, возможно, от налетающего прохладного ветра, а возможно, от нахлынувших воспоминаний.

— А там что? — я указал в другую сторону от цеха.

— Там? Ничего. Там нет еды из цеха и живут «Изгои». Они кровожадны и нападают на все племена, стараясь приходить на утренней или вечерней заре. С криками и воем они налетают, как северный ветер, унося с собой всё, что смогут взять: еду, детей, стариков. Они едят всё. Каннибалы. Но мы их не боимся. Мы хотим, чтобы они нас боялись. Они должны знать, что при свете солнца мы сильнее — и можем за себя постоять. — Розул стал приглядываться в сторону Изгоев. — Смотри, нам скоро нужно будет идти. Похоже, ты сегодня станешь свидетелем их нападения.

Я пригляделся в ту сторону, куда смотрел Розул. Вдали, едва видимой цепочкой, шли несколько серых силуэтов. Они шли по прямой, точно в нашу сторону. Я не мог разглядеть их фигур и по едва шевелящимся теням мог понять, что это не дикие звери.

— И в остальных направлениях не лучше. — Розул обвёл взглядом меня. — Ты понимаешь, что тот мир, в котором ты жил, он ненастоящий, его нет. Ты не единственный из воркеров, но вас осталось очень мало. В твоём крыле всего двадцать — может, тридцать капсул. Ваш мир соткан из иллюзий комфорта и слепого покоя. Вас трогать смысла нет. Но не все так считают. Изгои, если прорвутся за наши спины, не побрезгуют и вашим мясом. Для них попасть на подконтрольную нам территорию — это настоящая удача. Запасы еды. Свежее мясо и даже одежда! — Розул почти закричал, пытаясь донести до меня свою мысль. — Ты понимаешь, Ворчун?

— Я пока понимаю, что ты вытащил меня из моего уютного гнезда. А остальной мир как живёт? Не может быть, чтобы цеха были по всей планете.

— По всей. Путешествовать далеко не получалось ни у кого. Одного путника или съедят дикие звери, или убьют те, на чью территорию ты попадёшь.

— Но ты говорил, что кто-то путешествует?

— Говорил. Их всех съели.

— То есть ты хочешь сказать, что у меня лишь два варианта: присоединиться к вам или вернуться в капсулу?

— Один. В капсулу ты уже не вернёшься. Её уже растащили на запасные части обслуживающие воркеры.

— Зачем ты меня вытащил оттуда? — вскричал я.

— Не я, так кто-то другой бы вынул. Куда, по-твоему, делись остальные из капсул?

— Но мы шли по коридорам, их были сотни! — я не удержавшись сел на ближайший камень. Стоять уже не было сил. Весь мой мир словно был перевернут с ног на голову. Земля уходила из-под ног.

— Все пустые. Большое счастье найти тебя среди оставшихся. Идём обратно, нам надо возвращаться. Изгой уже близко.

Я медленно встал с холодного камня. Неприятное ощущение пробежало по спине, и я только сейчас заметил, что начинаю замерзать. Остатки тепла уходили быстрее, чем я предполагал. Ноги едва хотели двигаться. Каждый шаг стоил мне невероятных усилий.

— Замерз? — Розул лишь мельком бросил на меня взгляд.

— Есть немного.

— Тогда побежали. Так быстрее согреешься.

И мы побежали. Я не успел понять, как мы оказались в деревне. Лес и дорога словно пропали из моего сознания. Солнце ушло за кромку леса, и на нас спустилась полупрозрачная тьма. Детей в деревне на улице уже не было. Розул нырнул в ближайший дом, и я остался стоять один, пытаюсь отдышаться. Слезы от холодного ветра застилали глаза. Наступала первая ночь, и её мне предстояло провести в Азарии.

ГЛАВА 4

В первую ночь мне повезло: Изгой прошли мимо. Как наутро мне поведал Маалуф, они проникли на территорию цеха уже после полуночи и провели там всю ночь. Дозорный сообщил Старейшинам, что Изгой ушли ещё до рассвета.

Я спал не очень хорошо. Полночи в голову лезли странные мысли о том, что ждёт меня в будущем. Единственное, что я понял, — старая, размеренная жизнь закончилась. Если так подумать, она и не начиналась — иллюзии, сотканные когда-то давно, продолжали работать в руинах цехов корпорации Ландербилл.

Маалуф с достоинством принял мысль о моём желании покинуть деревню с одним условием: жену они мне здесь найдут, и если вдруг я надумаю вернуться, она будет меня ждать.

Весь день меня знакомили с будущими родственниками и рассказывали байки о сегодняшнем мире. Маалуф, как староста и хранитель мудрости, пересказал историю Азарии — не упуская момента приукрасить достижения местных в защите спокойствия небольшого участка цеха, откуда меня и достали вчера. Их мир был переплетён отрывочными данными из прошлого со сложившимися за последние столетия домыслами. К вечеру второго дня меня познакомили с будущей женой — Эрой. Эра была юной миловидной девушкой лет семнадцати, с длинной, чёрной как смоль косой до пояса. Ростом на голову ниже меня. Разница в нашем возрасте её не смущала, что вызывало у меня немалую толику смущения. Это был выбор деревни. К позднему вечеру празднество закончилось. Нас с Эрой проводили в дом, и новые родственники разошлись.

Утро третьего дня застало меня в чистой постели среди мягких и больших подушек огромной кровати. Солнце пробивалось сквозь лёгкие расшитые шторы. Эра ещё не проснулась. Я решил её не будить, быстро собрался и вышел на крыльцо. Холодный утренний воздух взбудрил. Наш двор выходил задней стеной прямо к лесу. По узкой тропинке, избегая взоров соседей, раздвигая ногами сырую от росы траву, я перешагнул кромку леса и обернулся. «Может, я сюда и вернусь когда-нибудь», — подумалось мне.

В этом мире я был новичком, и следовало для начала попробовать узнать своё место в нём. Я развернулся и быстрыми шагами направился в сторону цеха. Уже через час я стоял напротив своей старой капсулы. Её верх был полностью разворочан, крышка вскрыта, а внутри, на моей прошлой кровати, были кучи грязи и следы от башмаков. Нехотя я залез внутрь. Питевой фонтанчик был выломан с корнем. Вандалы не постеснялись забрать из капсулы все мои

вещи. Я порылся в закромах, выдвинул миску с едой — она была пуста. Делать здесь было нечего. Я выбрался обратно. В цеху стояла мертвенная тишина, изредка прерываемая падающими каплями воды с потолка.

Ещё немного побродив по пустующему цеху, я смог раздобыть лишь тёплый плед, небольшой рюкзачок и пару мисок с едой, приготовленной для каких-то воркеров. Ближе к полудню я выбрался на улицу, не встретив ни единой души. Ночной визит Изгоев или мой побег встряхнул этот кусок цеха — я не знал. Я знал лишь то, что пока я здесь, меня могут найти, а обороняться от вооружённой охраны или разбойников голыми руками — идея, мягко говоря, не самая замечательная.

Полуденное солнце ярко светило, согревая и просушивая мои вещи после тёмного и мокрого чрева бывшего прибежища моей души. Странно это всё. Вот так просто стоять под палящим солнцем, оставляя позади сразу две жизни: одну — с молодой женой, и ту, что была лишь иллюзией, созданной великой корпорацией. Ощущать себя загнанным — не получалось. Я стоял, глядя на горизонт, шепчущий о новых возможностях, о необыкновенности моей судьбы и перспективах будущего, и не верил ему. Разум не противился. Он словно отключился. Последние дни я был лишь наблюдателем за ситуацией. Она от меня не зависела, как мне казалось.

Стоять на месте мне показалось странным, и я пошёл подальше от всех, в направлении, куда ни Розул, ни тем более Маалуф не указывали. Туда, где меня явно не ждали.

Петляя среди нависающих ветвей деревьев и перешагивая их мёртвые стволы на земле, я вышел на остатки древней каменной дороги — о ней явно когда-то заботились. Это был вымощенный крупными булыжниками тракт. Идти по нему мне казалось неразумной затеей, и я попробовал идти лесом вдоль тракта. Спустя полчаса, пару раз смачно ударившись о поваленные деревья и издрав лицо о сучья сухостоя, я выбрался обратно на тракт и уже гораздо увереннее пошёл по нему в неизвестность.

Через несколько крутых поворотов тракт вывел меня на край утёса, с которого открывался вид на нижележащую долину, усыпанную полями и небольшими постройками. Среди копён крыш мелькали то тут, то там различные фигуры взрослых и детей. На полях рядом с домами я разглядел явно ухоженные поля — это было поселение каких-то земледельцев. Как нас обучали в цеху, сообщества земледельцев зачастую менее воинственные, чем всякие охотники и собиратели. Солнце клонилось к горизонту, и я решил аккуратно приблизиться к ним и хотя бы издали изучить их повадки. Но не пройдя и сотни метров, из-за поворота тракта на меня выскочила повозка. Кузов её представлял месиво корпусов древних автомобилей. Внутри никого не было заметно, и я спешно спрятался за дерево. Повозка остановилась в пяти метрах от меня, и я смог разглядеть её получше. Капот и передняя часть были явно собраны из металлолома с какой-то свалки. Вместо колёс в том, что осталось от арок, находились механизмы, едва напоминавшие гусеницы танка, но собранные в компактные треугольные механизмы. Двигало же это чудовище огромная дровяная печь. Я, стараясь не смотреть по сторонам, обошёл повозку сзади и, едва не переходя на бег, рванул вниз по дороге. Сердце в груди колотилось. Пот разъедал глаза. Запыхавшись, я остановился. Металлическое чудо, словно меня не заметив, осталось далеко позади за поворотом на холме. Я углубился в лес метров на сто и решил, что выходить на тракт среди белого дня очень опасно, но двигаться по лесу в наползающих сумерках было крайне сложно. Немного поразмыслив над своим положением, я решил, что лучший вариант — провести эту ночь в лесу, не разводя костра и не привлекая внимания.

Поначалу всё шло хорошо. Сумерки сменились поздней ночью минут за тридцать, и сквозь кроны деревьев на меня смотрели звёздные дорожки и переплетения созвездий. Ночь была тёплой. Я удобно устроился под небольшой сосной на ворохе сухих листьев и травы, положив под голову рюкзак. Сон всё не приходил. В каждом движении ночного леса я явно

различал силуэты странных монстров из моего воображения, а в скрипах стволов деревьев — отдалённые голоса людей. Спать в таких условиях можно было лишь в одном случае — смирившись. Но как только я закрывал глаза, из самых тёмных уголков сознания выбиралась под свет звёзд мысль, что вот уже прямо сейчас мне волки ноги лижут. Я открывал глаза, всматривался в темень окружающего мира и снова пытался заснуть. Сколько времени прошло, я не мог понять. Звёздная карта на небе сдвинулась лишь незначительно, как я отчётливо слышал голоса людей. Уже по привычке отмахнувшись от наваждения, я закрыл глаза. Голоса не пропадали. Казалось, что я слышу шелест листьев у них под ногами. Хруст сухих сучьев приблизился настолько, что я в панике открыл глаза. Соседние стволы деревьев были освещены красным светом, а голоса, которые я считал наваждением, слились в единую речь. Ко мне шли двое — мужчина и женщина — и тихо о чём-то переговаривались. Я сел поудобнее и стал ждать. Лишь свет их фонаря выхватил моё лицо из тени ночи, я поздоровался.

— Ой! — вскрикнула женщина.

— Кто ты? — отодвигая её за себя локтем, выкрикнул мне мужчина.

— Я — это сложный вопрос. Вы хотите мне навредить?

— С ума сошёл? — женщина выглядывала из-за плеча мужчины. — Ты зачем нас пугаешь? Сидишь здесь, поджидаешь нас? Хочешь ограбить?

— Я? Нет. Извините, если напугал. Я шёл по тракту и наткнулся на странный механизм...

— начал было я, но меня перебили.

— Ты шёл по тракту, увидел Мехазоида и остался цел? Не верю, — сказала женщина.

— Я не знаю, кого видел. Меня лишь пару дней назад выгнали из цеха, что недалеко отсюда.

— Воркер, что ль? — мужчина оживился и сделал шаг вперёд.

— Ну, так меня тоже называли.

— И как они тебя отпустили?

— Кто они? — удивляться уже было моё время.

— Изгой, — мягко сказала женщина.

— Так меня вынули из капсулы Розул и Рахмад из Азари. Так они себя называли, — как можно спокойнее ответил я.

— Ты знаком с Розулом? — женщина явно успокоилась, а мужчина уселся на пенёк рядом со мной.

— Ну, как знаком? Если мы говорим об одном и том же человеке, то я его знаю целый день и одну ночь, — я поправил мешок под спиной.

— Что ж, путник. Мой тебе совет: не верь никому. Особенно Розулу. Этот старый хрыч ведёт своих соплеменников к обрыву, а они, как лемминги, уже готовы броситься за ним хоть в жерло вулкана. — Мужчина даже не представился. Он деловито набил трубку и закурил, выпуская огромное облако дыма в мою сторону. — Ты новичок в этих землях, как и мы были когда-то. Разница лишь в том, что выпустил на свет нас не Розул с его бандой заморышей, а Изгой.

— Изгой? — я вопросительно вскинул брови.

— Да, Изгой. Что в этом такого? Так в Диких Землях зовут народ Умашар.

— Дикие земли? Что это? — я нехотя приблизился поближе. Голос мужчины таял в траве и шуме деревьев.

— Это все земли возле Цехов. Здесь творится почти полная анархия. Небольшой аванпост цивилизации сохранился в Городах, но досюда их патрули не доходят. Все известные мне Города далеко на севере отсюда.

— А этот тракт куда ведёт?

— Какой тракт? — мужчина несколько удивился.

— Так вон тот, что рядом с лесом, — я указал рукой в сторону дороги.

— Ах, то старая технологическая дорога. Про неё много разных слухов ходит. Говорят, по ней в ночи ездят древние демоны, но я в это не верю.

— Поэтому вы идёте лесом?

— Поэтому мы сидим с тобой возле твоей лежанки. — Мужчина примял отломанной палочкой табак в трубке. — Та дорога соединяет два Цеха. В одном ты уже, судя по всему, был. Второй в гораздо худшем состоянии.

— А демоны — они как выглядят?

— Да нет там никаких ни демонов, ни тем более мехазоидов. — Мужчина начал повышать голос на меня, как на маленького. — Старые машины снабжения ездят туда-сюда. Плохое дело — встретить сломанную машину среди ночи. У них есть функция защиты груза, может и пристрелить невзначай.

— Ясно. Я, похоже, видел одну сегодня... — я не успел закончить фразу, как женщина перебила меня.

— Где? В какую сторону она ехала? — она выпалила слова, будто торопилась куда-то.

— Здесь недалеко. Несколько часов назад. А что?

— Ничего. Куда она ехала?

— В том же направлении, куда идёте вы.

Мужчина взглянул на женщину виноватым взглядом.

— Что ж, некогда нам задерживаться. Отдыхай, а мы пойдём. Берегись чужаков и держись ночью подальше от дороги, путник. Удачи!

Он встал с пня, вытряхнул горящие угли из трубки на лесную подстилку и зашагал вперёд. Женщина взглянула на меня оценивающе и, не сказав ни слова, нырнула за своим спутником во тьму. Стало тихо. Настолько тихо, что из ниоткуда вынырнули звуки и запахи ночного леса. В тот момент мне показалось, что я слышал, как мерцали звёзды — всё окутала непроницаемая тишина. Даже стволы деревьев боялись нарушить покой чёрного как смоль леса и лишь безмолвно качались в такт проносившемуся где-то вверху ветру.

Я свернулся калачиком на импровизированном матрасе и смотрел вверх, на небо, думая о своём. Сна не было.

Спустя несколько часов первый луч солнца коснулся горизонта, и мир вокруг меня стал наполняться красками. Ночная прохлада, подступившая со всех сторон, конденсировалась в росу. Каждая травинка пыталась собрать немного живительной влаги. Я смотрел, как набухают почки нераскрывшихся листьев. Как облака мчатся по небу в своей безумной гонке, не взирая на мелких существ, копошащихся под ними. Начинался новый день. Я сидел на пне и размышлял о будущем. В тот момент оно мне казалось скомканным пергаментом, вынутым из мусорного ведра. Впереди — неизведанное. Прошрое, в которое не вернуться, осталось позади. А сейчас неплохо бы и брюхо набить. Я достал несколько сухарей из рюкзака и начал их грызть.

Время стремительно утекало. Я его чувствовал, но не мог противиться своей беспомощности и перешагнуть край этой небольшой поляны.

«Они говорили: всех путешественников убили. А я встретил вполне себе неплохую парочку в первую же ночь». — Мысли наперебой влезали в голову и подначивали вернуться назад. Иногда преобразуясь в паническую атаку, и тогда я старался смотреть лишь себе под ноги, отодвигая вне поля зрения окружающий мир. Но сколько бы я ни сидел на одном месте, что-то делать было необходимо. И я решил, что если и сделал неправильный выбор, то это было ещё в самом начале пути, в той самой капсуле отдыха и злополучной трещине, через которую я вылез на эту самую «свободу».

Делать было особо нечего. Предстояло продолжить путь теперь уже сегодня. Я сжал зубы покрепче и шагнул в стену из зелёных листьев. Они с шорохом расступились, открывая вид на брусчатый тракт. Я задержался на секунду, разглядывая дорогу — никого не было. С силой

я швырнул своё тело на неё, и поляна, приютившая меня на всю ночь, скрылась в прошлом. Теперь только вперёд.

ГЛАВА 5

Старый технологический тракт петлял между холмов, уводя вдаль, к горизонту. Местами я наткнулся на обглоданные кости диких зверей. Среди куч старого полуразложившегося хлама проглядывало эхо ушедших эпох. Знакомые очертания древних инструментов, о которых нам рассказывали, пока я был на учёбе в своей капсуле, перемежались обрывками тряпок и прочего мусора.

За очередным поворотом, уже ближе к вечеру, я наткнулся на силуэт путника. Солнце висело ещё достаточно высоко над горизонтом, стремясь спрятать свой лик за нависающими надо мной кронами деревьев. Путник сидел на самом краю тракта, прислонившись спиной к огромному валуну. Я остановился и даже помыслил зайти обратно в лес, но что-то меня остановило. Сделав шаг, я ждал реакции человека — её не последовало. Тогда, набравшись смелости, я стал крохотными шагами приближаться к нему. Путник сидел, расслабленно смотря перед собой, расположившись возле гранитного камня.

Шаг за шагом я приближался к чёрному силуэту в балахоне с накиннутым на голову капюшоном. Только приблизившись вплотную, я смог разглядеть пустые глазницы древнего иссохшего скелета. Странными мне показались его почти не истлевшие одежды из какой-то самодельной сермяжной ткани. Глядя на его отполированный ветрами и дождями череп, я мельком разглядел своё будущее и настоящее. В нитчатых изгибах трав, окруживших его безмолвный череп, в ярком блике солнца на иссушенных костях, в паутине, колышущей лёгким дуновением ветра среди опустошённой груди и торчащих во все стороны рёбер. В испуге я сделал два шага назад.

Чёрный силуэт оттенял безмятежность поросшего зелёной травой тракта, как пятно смерти оттеняет и подчёркивает прелести жизни.

Не смея смотреть назад, я продолжил путь к горизонту, глубоко погружённый в свои думы. Откуда я? Зачем я бреду по дороге, выдавшей различные эпохи?

Не успел я найти ответы, заданные самому себе, как эхо донесло до меня отдалённые голоса людей. В этот раз, не раздумывая, я нырнул в ближайшие ко мне кусты и спрятался как можно ближе к земле. Стараясь не издавать ни звука, я стал ждать.

Два силуэта приближались ко мне со стороны тракта, о чём-то беседуя на неизвестном мне диалекте. Когда эти двое поравнялись со мной, я смог в деталях разглядеть их сожжённые солнцем лица. Глубокие борозды морщин исполосовали их. Одежда на них была похожа на ту, простую, со скелета, который мрачным памятником так и сидел, прислонившись спиной к валуну возле самой дороги.

Двое подошли к скелету, низко поклонились и стали снимать с него чёрный балахон. Я, затаив дыхание, ждал, наблюдая из своего укрытия за происходящим. Они ловко раздели скелет, смотали его обноски в заплечные рюкзаки, достав оттуда свежую одежду. Так же аккуратно переодели в неё старые кости и, негромко переговариваясь, ушли прочь. Лишь спустя пятнадцать минут я смог заставить себя вылезти из своего укромного места и продолжить путь.

Через пару километров тракт неожиданно закончился, развалившись на отдельные тропы, ведущие в разных направлениях. На одной из них, которая вела направо, были явные следы протектора шин. Немного постояв, я сделал разумный выбор — держаться подальше от странного тракта — и сместился на левую дорогу.

Левая тропинка, петляя, вывела меня на крутой берег быстрой реки. Дикорастущая трава местами доходила до пояса, скрывая в зелени черноту голой земли. Идти становилось всё труднее. Солнце уже касалось своим краем горизонта, когда я увидел небольшую избушку, оди-

ноко стоявшую на высоком берегу в излучине реки. Дверь внутрь была не заперта. Пыль и паутина с остатками каких-то мух рассказали о том, что этим убежищем явно давно никто не пользовался. Я приоткрыл дверь и протиснулся внутрь небольшого помещения, которое явно было пристроено к основному строению из тонких досточек и небольших жердей. Внутри весьма уютно разместились нары вдоль стены, а в их изголовье горело ярким пятном в сером мраке небольшое окошко. Под окном был небольшой импровизированный столик. Пахло старым сухим деревом — это меня обрадовало.

Оглядевшись и не найдя никакой, хоть мало-мальски работоспособной печи или очага, я решил долго не раздумывать и скинул на скрипучие нары плед, а под голову положил просохший за день рюкзачок. И как только моя голова коснулась этого простого ложа, сон из глубин сознания завладел телом полностью.

Среди ночи меня разбудил какой-то шорох под дверями моего убежища, выдернув из забытья в этот уже успевший остыть мир. Я нехотя уселся на нарах, собирая мысли в кучу. Дверь со скрипом распахнулась, и в проёме появился силуэт крупного мужчины. Он, громко кашляя, вошёл в избу и занял почти всё место возле входа. Показалось, что его плечи занимают всё внутреннее пространство от стены до стены, а голова ещё чуть-чуть — и начнёт упираться в потолок и вот-вот проломит его. Длинные курчавые волосы, слегка подсвеченные лунным светом, блестели. Он был похож на какое-то древнее божество, извлечённое из мира снов, в котором я только что пребывал.

— Кхехм. Занято, что ль? — густой бас ворвался внутрь избышки, и стены застонали в тон ему вторя.

Я быстро пришёл в себя.

— Нет. Я здесь один, — едва собравшись, выпалил я в ответ.

— Тогда доброй ночи. Прости, что разбудил. Ты надолго здесь? — мужик стоял у дверей, переминаясь с ноги на ногу.

— Не знаю. Я новенький в этом мире, бывший воркер, — я попробовал как можно точнее сформулировать мысль.

— Ах, вона что. Тогда у нас предстоит длинная беседа. Из каких ты? — мужчина начал ворочаться в прихожей и развешивать по углам свои вещи.

— Не понимаю вопроса. Я воркер из цеха корпорации Ландербилл.

— Так значит, ты даже в курсе названия. Кто тебя освободил? Изгой?

— Нет. Розул с Рахмадом из Азарии.

— Азарийцы? — воскликнул он очень громко. — И как они тебя не съели, эти мерзкие людоеды?

— Людоеды? Нет. Они были достаточно приветливы и милы. Вроде даже выдали мне жену из деревенских.

Мужик расхохотался во весь голос.

— Выдали жену? Это как? Сказали: «Вот тебе жена и иди куда хочешь»? — он как будто не воспринимал всерьёз всё, что я сказал.

— Примерно так и было, — несколько смутившись, ответил я.

— Ну тогда это мне предстоит слушать историю о твоих приключениях, а не мне рассказывать об этом мире. Я вижу, ты повидал на своей шкуре большие опасности, раз начал с таких сказок! — мужчина рухнул на нары напротив меня. — Будешь чай или поесть? Вижу, у тебя слабовато с харчами.

— Не откажусь. Еды мне не дали в дорогу, — я стал судорожно копать в своём почти пустом рюкзачке.

— Да не суетись ты. Меня зовут Имар. Я из бродяг. Так мы себя называем. — Он достал из огромной сумки какие-то свёртки, из которых вкусно запахло копчёностями и свежестью. — Сейчас перекусим и заодно познакомимся. Имя-то у тебя есть?

— Ну, в поселении меня звали Ворчуном, — начал было я, но Имар меня перебил.

— Ворчуном? Ха-ха-ха! — он рассмеялся во весь голос. — А в цеху у тебя было имя или вас там за людей не держат?

— Имя было. Да это было в прошлой жизни. И была ли эта жизнь — я уже и не знаю вовсе. Там я был простым работником корпорации, ответственным за, как мне тогда казалось, маршруты межзвёздных кораблей. Я жил в полной мере уверенный, что нахожусь на отдалённой лунной станции, и за свою жизнь не встречал ни одного живого человека, пока меня не вытащили из капсулы те двое... — я замолчал, прервавшись на полуслове. — А сам-то ты откуда?

— Я? — Имар нахмурил лоб, вспоминая какие-то давние события. — А я уже и не помню. Помню, что всю жизнь брожу. Бродяга я.

— Путешественник? И много повидал?

— Да. Можешь и так говорить. П-у-т-е-ш-е-с-т-в-е-н-н-и-к. — Он протянул по буквам это слово. — Давно такого не слыхивал. А бродил я везде: от Семережи до Тигманьки. Бывал я в разных передрягах, встречал плохих людей и дружил с отменными мерзавцами. Теперь я один брожу — так спокойнее.

— А чем ты зарабатываешь на жизнь, Имар? — я решил спросить в лоб.

— Что значит з-а-р-а-б-а-т-ы-в-а-е-ш-ь? — он тянул незнакомые слова.

— Ну, кушать где берёшь, одежду где покупаешь?

— Кушать — леса и реки полны еды. Одежду — что сам сделаю, что девки в деревнях подарят. Так и живу: брожу и живу. Мир смотрю, на ус мотаю.

— А сейчас куда путь держишь?

— Сейчас? Сейчас я с тобой разговариваю в этом балке! — он опять громко засмеялся. — А у тебя, значит, и жена уже есть в этой твоей Азари?

— Есть, — несколько смутившись, ответил я. — Только вот разница в возрасте у нас ого-го, — я многозначительно растянул слово и показал пальцем в небо.

— А что такого-то в этом? У меня каждая баба в деревне — на голову моложе меня. Так заведено. Нечего зрелым мужикам со старухами якшаться.

— Странно это всё у вас, — я решил сменить тему в другое русло. — А расскажи лучше, что происходит в округе, что за тракт здесь недалеко и какие деревни, может, есть?

— А что тебе деревни? По бабам соскучился?

— Нет, конечно. Возможно, там еды можно достать или работу какую-нибудь найти?

— Нет, работы ты, конечно, найдёшь. Но вот едой тебя накормят, если с девками молодыми водиться будешь. Сейчас мы, бродяги, — единственная надежда не зарости срамными генами с родственниками у них. Ты же понимаешь, что деревни не часто общаются между собой, многие даже воюют. Но вот наш род, он как бы вне этих дряг местных. Мы вольно приходим и вольно уходим восвояси, не давая корням их зачерстветь. Раз в год в каждую деревню заходим. Иногда и не по разу, если молодая какая приглянется. — Он ехидно подмигнул. — Так что давай перекусим, может, и спать устроимся. Я дверь подпёр, чтобы нас никто не разбудил, и поняли, что место это на сегодня занято уже.

Имар, как оказалось, уже выложил на стол в потёмках свою скромную пищу из лесных ягод и пару кусков свежескопчёного мяса. У меня слюнки потекли от одного вида этого шикарного стола. Он зажёл небольшую лучину над окном, и в избушке стало гораздо уютнее. Ночные страхи забились в углы и глядели оттуда злыми глазами.

Сытно поужинав, мы с Имаром стали укладываться на ночлег. Он затушил лучину, и свет звёзд отразился в замутнённых от времени окнах. Я поудобнее сложил мешок под головой и крепко заснул.

Когда я проснулся, Имар уже что-то варил на небольшой глиняной печке в углу. Дом при свете солнца уже не казался таким мрачным и страшным. В разных углах висели разноцветные

тряпки, а в тряпках были кусочки старых сухарей и небольшие ломтики вяленого мяса. Имар пояснил, что по давним традициям каждый оставляет небольшой подарок следующим гостям этой избушки. Уже после полудня я спросил, можно ли мне с Имаром, ведь своего пути у меня не было. Он согласился, и мы, оставив небольшой подарок в завёрнутой тряпочке, выдвинулись вдоль речки по обрывистому берегу в сторону едва открывшегося горизонта.

Дни тянулись за днями. Имар вводил меня в курс происходящего вокруг. Мы бродили по пустынным тропам и заброшенным трактам этого уголка земли, давным-давно заброшенного цивилизацией. Я вдоволь насмотрелся на невзгоды разных деревень и стойбищ. Познакомился с различными культурами. Имар научил меня выходить из сложных и иногда даже опасных ситуаций. Там я узнал и о своих «освободителях» из Азари. Про них ходило множество слухов, от мистических до просто ужасающих, но правды не знал никто, и к ним не совались. Изгой — небольшой, но очень древний народ. Их род восходит к пророкам с многовековой историей, и изгоями они сделали себя сами. За их странно скрученные волосы и принципиально тёмные одежды в разных уголках мира их называют по-разному: от Уно до Тёмных. Изгоями зовут только в небольшом районе возле руин цеха. Цехов у древнего Ландербилла действительно много. Кое-где на их крышах даже развились целые города, скопившие достаточно запасов, но многие впоследствии вымерли от голода, когда за сотни лет утратили способность добывать пищу сами. Самые прозорливые вернулись к оседлому образу жизни, часть ушла в охотничьи кланы, а ещё меньшая часть стала неким подобием странствующих охотников-собирателей. В космосе не было никого. Цивилизация в том смысле, о котором вещала корпорация все годы моей юности и детства, не существовала. В один из таких походов мы повстречали двух столкнувшихся роботов. Мне почему-то вспомнились мои коды. Возможно, Ландербилл использовал нас для обслуживания не космических кораблей, а вот таких машин здесь, на Земле. Но этого я уже узнать не смогу. Прошлый мир растворился, как сон после завтрака. От него осталось лишь тоскливое одиночество и немного знаний о внешнем мире, которые с невероятным рвением пополнял Имар.

Время текло. Сезон сменился на зиму, и всё вокруг замело. Зиму мы переждали в отдалённой деревне, где у Имара были знакомые, такие же бродяги. И вот настала весна с её ревущими ручьями и разливыми половодьями. С крыши впервые за долгое время закапало, а в лесу засустились первые птицы, внезапно появившиеся среди ночи.

Имар подошёл ко мне с утра и перешёл сразу к делу.

— Знаешь, мы ведь народ не оседлый и подолгу в одном месте не задерживаемся. В этот год я сделал исключение, но тропа зовёт меня. Завтра я уйду. Ты волен сам решить, что делать дальше. Можешь не отвечать. Если надумаешь составить мне компанию, сообщи до моего ухода.

Я молча кивнул, и Имар ушёл так же внезапно, как и появился.

На следующее утро я стоял возле хижины Имара и ждал. Он вышел почти сразу после завтрака и сильно обрадовался мне.

— Надумал продолжить бродить со мной?

— Ну как я могу бросить здесь своего единственного друга? — усмехнулся я.

— Тогда пошли. Кто его знает, куда нас заведёт тропа. Мы ещё столько сможем повидать и столько историй послушать — закачаешься!

Я подошёл, хлопнул его по спине, поправил рюкзак, и мы пошли.

Теория групп

...

Он это сделал, он притащил ко мне с самого утра этот непонятный прибор. Небольшой пластиковый корпус со скругленными углами и яркими крупными точками, как на гранях той самой игрушки.

— Ну что ты припёрся в такую рань, до работы еще два часа, как-то встать я не планировал.

Я начал выговаривать ему, открывая дверь и запахивая махровый халат.

— Ты посмотри, посмотри! Это первый в истории эволюционирующий компьютер! — задыхаясь, начал тараторить он. — Видишь ли, он полночи дособирывал свое творение и припёрся ко мне с самого утра.

— Ну заходи, чай будешь?

Дома ничего особо не было, жена с детьми уехала на дачу к маме за пятьсот километров.

— Нет!

Он зашел на кухню, крутя в руках пластиковую коробочку, словно это не только игрушка, а сверхпрорыв, и сейчас весь мир запоет ему дифирамбы. Но нет, не запоет. Как и раньше не запел.

— Рассказывай, что притащил?

— Это я еще никак не назвал! Идея этой машины пришла мне в голову три месяца назад! Помнишь, я тогда просил до зарплаты в долг?

— Ну, не впервой.

Я улыбнулся.

— Дак вот, схему я разрабатывал с месяц, код управления писал еще месяц. Потом коллеги из политеха помогли все это распаять, а сегодня я впервые его собрал в этом транспортировочном корпусе. Это мое детище! Компьютер, который умеет эволюционировать!

— Что значит эволюционировать? Изменяться, отращивать крылья и перепонки, жабры и остальные прелести многоногого мира?

— Нет. Не совсем. Эволюция у него чисто программная. Его базовые системы ввода-вывода остаются абсолютно неизменны, а вот методы обработки данных с сенсоров и прочего подключенного самонастраиваются. Ну как, я сам не до конца это понимаю, там нейросети и чуток кода с самоподкреплением, и примитивные задачи на самоусложнение. Помнишь, заходила Натаха и мы с ней про биологию земных организмов и причины эволюции у тебя на кухне обсуждали?

— Ну, помню.

— Так вот, я считаю, она не права! Я решил это доказать. Двигателем эволюции, я считаю, является не борьба видов, а жажда этих видов занять все пространство вокруг. То есть примитивные войны!

— Считаю, я ничего не понял, что дальше?

— Да ничего, сегодня потащу его на завод, пусть развивается в нашей реальной среде. Пока оно не больно-то и продвинулось в этом. Ему на ввод нужно примострячить датчик бы какой, дома-то я откуда его возьму? А вот на заводе...

— Ясно-ясно, вахту как пройдешь? Там же досмотр?

— Так досмотр на вынос, а я вносить буду. Мне его выносить обратно ни к чему.

— Что, там и оставишь детище свое? На пыльном оборонном производстве среди котлов, покрытых сажей, и крыс размером с дом?

— Ну ты чего. С дом. А что мне его тащить, у меня дома еще одна такая платформа есть.

Я допил чай, убрал чашку со стола в раковину и сунул перчатки с зонтом в сумку. Шнуруя последний ботинок, я понял, что он не может остановиться. Все бормочет про какие-то непонятные мне эволюционные гипотезы, переключаясь на схемы и микрочипы. Нечем на работе заняться в своем отделе перспективных разработок нашего завода?

— Ты, главное, мир не сломай своей эволюционной мегаштуковиной, — прервал его тираду я, — нам еще пожить в нем охота, а то эволюционировать твой куб во что будет? В ромб, в тетраэдр или шариком станет?

— Да никуда он не станет, я ж его создал. Это просто набор микросхем в пластиковом корпусе. У него даже данных на вводе нет. Я ж датчик еще не приспособил.

— Ладно, пойдем, — сказал я, и мы вышли из дома.

На улице уже светило солнце, привычная дорога была слегка смочена ночным дождем, но быстро сохла. В сознание ворвался ворох воспоминаний, как мы с ним впервые вот так, по-дружески, прошли по этому тротуару примерно в такой же ранний осенний день.

— Свежо! Люблю, когда свежо.

— Да, — согласился он. — Самое приятное время начинается, лето с его жарой и комарами в прошлом, а белые мухи не испортили асфальт своими телами. Это я про зиму и снег.

— Белые мухи — это полбеда, вот остатки их тел, медленно разлагающиеся и превращающие асфальт и газоны в грязные чаши и склизкие, жирно пачкающие ботинки размокшей землей непроходимые тропинки.

Мы так и шутили бы, если бы не подоспевший автобус. На удивление пустой. Сев в самом конце, мы продолжили беседу о кубике.

— Значит, тело свое оно изменить не сможет? — начал я издалека.

— Как? Это ж просто немного усовершенствованный калькулятор, по сути. Единственное отличие — это чип самобичевания, я его так назвал. Он отвечает за мотивацию всей машины. Если машина находит пригодную экосистему, она должна ее занять. Далее несколько слоев самообучающихся нейросетей. Кучка корректоров и прочие хитрости микроархитектурного инжиниринга. По сути, кода там всего несколько мегабайт. Памяти я ему не дал. Хранилище энергозависимое. В общем, выключил его — и делу конец. Сохранит только таблицу данных в несколько сот метров и файлы с информацией о том, как проходило обучение и к чему это привело. Ну я еще немного заставил его мысли свои писать. Интересно ж посмотреть, до чего додумалась программа.

— Ваши уже заставили компьютер мыслить?

— Ну тут сложнее все и проще одновременно. Как и сеть в нем не нейронная, а только так называется, так и мыслей-то никаких нет. Есть, по сути, свой итоговый вывод подпрограммы, на основе которой он будет строить следующую сеть и строить другой вывод или принимать решения на действия. В общем, кто-то заставляет машину рисовать картинки и распознавать текст, а я заставил несколько разных сетей договариваться и записывать, к чему они пришли. Правда, не на нашем языке, а логическими схемами. Я-то пойму, в общем.

За такими возвышенными разговорами мы не заметили, как автобус остановился возле заводской вахты. Хорошо еще, что с утра почти все едут на завод, а то мы бы не пробилась к выходу через такую толпу. Нас обступили и даже зажали между двух сидений, так что мне показалось, подогни я ноги вниз, все равно не упаду.

Волей толпы нас «вынесли» из автобуса прямо на остановку.

— Прячь покрепче свое достижение.

— Да, уже убрал в рюкзак и прикрыл сеткой с одеждой для спортзала.

Вахта неумолимо приближалась, и толпа, ведущая нас в горло завода, замедлилась, делясь на несколько потоков. Небольшой ручей из людей оттекал к складу хранения. Туда обычно сдавали телефоны и прочие электронные штуковины, которые, к слову, нельзя прино-

сильно секретное предприятие. Но в этот раз мы шли мимо. Напрямую в утробу, отделанную кафельной плиткой двух цветов: белым и серо-белым. Такая яркость останется за пределами завода. Внутри никто за окраской не следит. Цеха из кирпича — и все. Те цеха, что постарше, — из красного, более свежие — из белого. Груды ржавых и полуржавых труб. Только трубы вентиляции блестят на солнце, потому что из нержавеющей стали.

Я прошел вахту первым. Его же решили досмотреть. Пройдя рамку металлодетектора, я вышел во внутренний двор и закурил, решив подождать друга. Нам было по пути.

— Долго тебя досматривали что-то.

— Да ну их. «Откройте рюкзачок. Что у вас внутри? Почему эта коробочка из пластика так смешно выглядит?» Чудики эти вахтеры.

— Нашли? Что сказали?

— Да я и не скрывал особо. Вносить — не выносить. Главное — не телефон и не оружие. Там хоть машину по частям или ноутбук в сборе. А вот вынести без разрешения не дадут.

— И то правда. Придумал, что за сенсор примотаешь?

— Есть пара идей, на обеде заходи, покажу.

Время до обеда пролетело незаметно. Заходил шеф, озадачил очередной «новинкой» от управления. Чтоб им там всем разом сделать то, что они рекомендуют сделать нам при срыве сроков и невыполнении плана. Ну да ладно, не впервой, прорвемся, как говорил мой старый знакомый.

Я глянул на часы, ба! Времени-то без пяти минут обед. Надо идти звать его «на покушать».

Он сидел в своем кабинете на третьем этаже, похоже, даже не включив свет с самого утра. Не отводя взгляд от прибора, затараторил как сорока, поняв, что вошел я.

— Заходи, заходи! Смотри! Оно ведет себя странно.

— Почему ты называешь свой компьютер «оно»?

— Ай, — он махнул рукой и поднял глаза. — Еще с утра я примотал к этому чуду хвост на порт и маленькую сенсорную антенну. Она реагировала на прикосновения, изменяя свое сопротивление. Так это чудо научилось ей отталкиваться и едва заметно двигается, вот сижу, слежу, чтоб не уползло. Занимательно очень!

— В смысле «уползло»? — удивился я. — Оно же у тебя не шевелит антенной, как какая-нибудь бактерия ложноножками?

— У бактерий нет ложноножек. У бактерий жгутики. Шевелит.

— Как так шевелит? — удивился я еще больше. — Ты ж сказал, антенна просто меняет свое сопротивление при касании и твой «суперкомпьютер» должен измерять сигнал.

— В том-то и дело, что ничего он никому не должен. Измерял. Час. А через час перенастроил свои вентили так, что может менять напряжение на вводе — и теперь не только измеряет, но и шевелит! Вот думаю запереть его в подсобке и завтра глянуть его записи.

— Запри, но не в подсобке, дай мальчику место на складе. Далеко не уползет, и камеры там есть, хоть посмотрим на его приключения.

— Хорошая идея, но пока на обеде пусть под кастрюлей посидит.

Он достал из-под стола какое-то старое алюминиевое ведро, которое уборщица использует для, как мы это называем, «своих зелий», варит она в нем какую-то химию для мойки особо грязных помещений или дезинфекции тряпок. Немного поразглядывал на предмет дырок и лишних нетехнологических отверстий. Убедившись в полном сохранении периметра безопасности, накрыл ведром медленнодвигающуюся антенну робота. Прижал ведро раздавившим видом мотком металлического троса, и мы пошли на обед, мерно беседуя на тему возможности эволюции у роботизированных систем.

В столовой было полно народу.

— Нет чтобы разделить потоки и направлять кушать не всех скопом, а хотя бы поделить на две части. Сесть некуда! — возмутился я, в очередной раз занимая очередь на раздаче.

— Дак куда им, умные наверху посчитали и сказали, что лучше мучайтесь вы, чем мы с планированием времени работы столовой. А этот бардак, — он обвел присутствующих взглядом, — им не виден.

Очередь на раздачу изгибалась много раз и уходила в коридор. Найдя ее конец возле кабинета не менее огорченного начальника кухни, мы встали в конец.

— Скоро я смогу очередь занимать, не выходя из кабинета, — пробормотал начальник кухни. — Вы мне хоть дверь прикройте.

Я закрыл дверь в кабинет, и в коридоре стало темнее.

— А так жутко.

Ободранные стены не ремонтировались уже лет сорок, со времен стройки завода. Я принялся их разглядывать. Поверх облезающей штукатурки были приколочены кабельные каналы из пластика, которые обильно покрыл слой пыли.

— Вроде бы в двадцать первом веке живем, а все не могут научиться поддерживать красоту, — продолжил я жаловаться на невыносимые условия труда.

— Да брось ты, мы сюда ходим поесть, а не наслаждаться видами сверхэлитного ресторана.

— Мда уж.

Палеоцен

Очередь шла медленно, иногда мне казалось, что идея приносить еду с собой и употреблять ее в своем кабинете не такая уж и плохая. Вон мой начальник таскает пакетик и баночки, и время подремать есть. А мы тут стоим, как толпа. Но вслух сказал:

— Что с роботом? Может, ему не антенну приделать, а инфракрасные датчики, сможет видеть.

— Да, думал, но нет. Нет датчиков под этот интерфейс, надо менять порт, а это лень. Пусть учится широко распространенным, универсальным пользуется пока. Может, вторую версию соберу под специфичные задачи на другой базе.

— А прикрепи к нему мышку или вентилятор.

— Думал, но пока пусть шуп изучает. Я смогу сохранить базу данных его и размножить, если научится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.